

Б. Товаровский

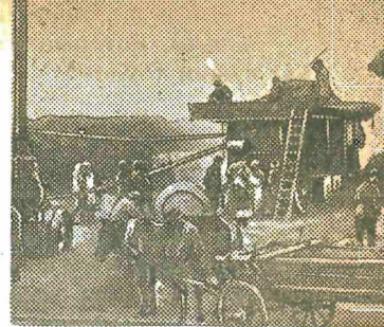
В. Филов

КАК БЫЛ СЛОМЛЕН КУЛАЦКИЙ САБОТАЖ

ХЛЕБОЗАГОТОВОНО В СТАНИЦЕ ТЕМИРГОЕВСКОЙ

1933

ПАРТИЗДАТ
ростов н-д

„колхозы, как социалистическая форма организации хозяйства, могут показать чудеса хозяйственного строительства, если во главе их стоят действительные революционеры, большевики, коммунисты. И наоборот— колхозы могут превратиться на известный период в прикрытие всякого рода контрреволюционных деяний, если в колхозах будут заправлять эсеры и меньшевики, петлюровские офицеры и прочие белогвардейцы, бывшие деникины и колчаковцы“.

„стало быть, дело не только в самих колхозах, как социалистической форме организации, но прежде всего в том, какое содержание вливается в эту форму,—дело прежде всего в том, кто стоит во главе колхозов и кто руководит ими“

СТАЛИН

„Человек, который не работает сам, живет чужим трудом“

(Маркс)

„Кто не работает, тот пусть не ест“ — вот практическая заповедь социализма. Вот, что надо практически наладить“...

„В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине — основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый элемент его окончательной победы“.

(Ленин).

„Сильная и мощная диктатура пролетариата — вот, что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов, разбить их воровские махинации“.

(Сталин).

„В полной силе сохраняет свое значение указание XVII конференции ~~на~~ то, что успешность социалистического наступления неизбежно вызывает в новых формах обострение классовой борьбы в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки. Имеющее место за последнее время усиление попыток классового врага в некоторых районах СССР пролезть в руководство колхозами и совхозами и дезорганизовать там работу путем вредительства в колхозах и совхозах и организации саботажа заданий государства — лишний раз говорит о том, что революционная бдительность и готовность сокрушить классового врага должны являться основной заповедью коммуниста и главной предпосылкой дальнейшего продвижения вперед“.

(Решение об'единенного пленума
ЦК и ЦКК ВКП(б)).

Станица перед занесением на черную доску.

Хозяйственно-политическое лицо Темиргоевки.

В основном ликвидированное на Северном Кавказе кулачество, вышибленное из своих производственных позиций, сумело, однако, сохранить на Кубани, особенно в ее решающих станицах довольно компактные остатки.

„Сопротивление эксплоататоров начинается до их свержения и обостряется после с двух сторон.. Отсюда: а) особая высшая ожесточенность классовой борьбы; б) новые формы сопротивления... (заговоры, саботаж, воздействие на мелкую буржуазию и т. п.)“ (Ленин).

Кулацкие недобитки и явились организаторами саботажа хлебозаготовок и сева, зачинщиками новых форм сопротивления социалистическому переустройству деревни, главными подогревателями неизжитых мелкособственнических настроений и пережитков у крестьян, вступивших в колхозы.

В станице Темиргоевской, одной из крупнейших в Курганенском районе, пользуясь ослаблением классовой бдительности со стороны ряда районных и станичных организаций и работников, нашли себе приют и гостеприимство не один десяток бывших кулацких хозяйств, ядреных белогвардейцев, карателей, палачей, активистов оголтелой кубанской контрреволюции. Последней вспышкой ее открытой борьбы было антиколхозное, антисоветское выступление в Темиргоевской в 1930 году (названное „пятидневкой“), закончившееся разгромом шайки главарей, но не закрепленным щадительной очисткой станицы от многочисленных кулацких элементов.

Замаскировавшись всевозможными способами социальной мимикрии (перекрашивания), классовые враги начинают делать свою главную ставку на разложение колхоза изнутри. Тактика заключается в том, чтобы, продолжая удерживать всеми доступными методами значительный слой бедняцко-середняцкого населения станицы (до 50%) от вступления в колхозы, превращая эту часть населения в свой главный оплот, одновременно самим правдами и неправдами пролезть в колхоз, в колхозный аппарат (бригадиры, учетчики, кладовщики, счетоводы, бухгалтера, члены правлений), в совет, кооперацию и даже в станичную партийную организацию.

На этом, своем, новом поприще Темиргоевское кулачье и его приспешники развертывают интенсивную „деятельность“ уже в

1931 году, причем центр ее тяжести переносится, разумеется, на срыв уборки и хлебозаготовок. Враг, прекрасно, по-своему понял все значение программного для работы партии в деревне позунга Ленина: „Кажется, что это только борьба за хлеб, а на самом деле это борьба за социализм“.

И вот, к середине декабря 1931 г., темиргоевские колхозы выполнили свой годовой хлебный план лишь на 61,5%, единомышленники на 40%. Больше 3.000 га убранного посева остается в колхозе им. Ленина до зимы не обмолоченным, а часть пшеницы и других культур погибает на поле, в снопах. Из 752 га кукурузы убрано только 332 га, но и наломанная кукуруза оставлена в степи на произвол расхитителям.

Вместо 1.200 трудоспособных, на работу выходило в „лучшем“ случае 300—400 чел. Много колхозников за весь напряженный летне-осенний период сельхозработ выработали по два-три трудодня. Нормы на молотьбе, к примеру, выполнялись на 30—50%. Необузданно царствовала поденщина, уравниловка, а правильная сдельщина и учет труда по существу были упразднены „за ненадобность“...

Хлеб расходовался совершенно бесконтрольно; за июль—октябрь было съедено 2.580 пудов пшеницы в порядке „общественного питания“. А под видом „второго сорта“ правление скрывало от хлебозаготовок 2.300 центнеров пшеницы. Между тем, колхозу им. Ленина государство оказалось громадную производственную помощь (МТС, ссуды, кредит).

В обстановке полного отсутствия борьбы колхозной и общественной парторганизаций и стансовета с кулацкими „делами и людьми“, в обстановке полного пренебрежения массовой работой (за несколько месяцев ни одного собрания с единоличниками) в колхозах началось воровство артельного урожая. Колхозница Лиманова Евдокия умудрилась похитить 16 центнеров пшеницы, кукурузы и подсолнуха. Враги потирали руки, предвкушая в близком будущем полный успех своего дела.

Такое нетерпимое положение уже тогда заставило краевые организации по прямой директиве Крайкома партии, принять в декабре 1931 года следующее решение:

„1931 год — год завершения сплошной коллективизации на Северном Кавказе показал ряд блестящих образцов работы колхозов края.

Большинство колхозов края успешно выполнили годовой план хлебозаготовок, закрепили свои колхозные ряды и правильно организовали внутриколхозное хозяйство, обеспечив вместе с этим улучшение материального благосостояния колхозников.

Наряду с этим, имеются отдельные колхозы, которые не справились с укреплением колхозных рядов и, поддаваясь кулацкому влиянию, срывают выполнение государственных заданий и обязательств; несмотря на наличие всех возможностей, не выполняют плана хлебозаготовок. Отдельные колхозники в этих кол-

козах, вместо бережного отношения к колхозному хозяйству, расстакивали, разворовывали урожай колхоза, небрежно относились к колхозному имуществу (тяглу, инвентарю и т. д.), разлагали трудовую дисциплину колхоза, в результате чего эти колхозы не оправдали доверия масс колхозников, не оправдали и доверия советского государства, этим самым на деле содействуя врагам колхозного движения, врагам пролетарского государства.

К таким колхозам относятся:

Колхоз им. Ленина станицы Темиргоевской, Курганенского района.

До настоящего времени план хлебозаготовок, в связи с сопротивлением заготовкам и расхищением значительной части колхозного урожая не выполнен; выходы на работу составляют менее половины всех трудоспособных членов колхоза; со стороны отдельных колхозников, плетущихся в хвосте кулацких настроений, проявляется вредительское отношение к колхозному имуществу...

...Все перечисленные колхозы не сумели повести борьбы с контрреволюционными поисками остатков кулачества, не сумели дать им своевременный и решительный отпор и этим самым превратились из опоры советской власти в подрывников социалистического строительства. Рвачество, шкурничество, кулацкое стремление побольше получить от колхоза и ничего не дать колхозному хозяйству, получили в этих колхозах широкое распространение.

Исходя из этого, Крайколхозсоюз постановляет:

„Распустить перечисленные колхозы, предав суду их руководящие органы, ревизионные комиссии за дискредитацию колхозного строительства, бесхозяйственность и попустительство кулацким рваческим настроениям“. (Из постановления Северо-Кавказского Крайколхозсоюза от 8 декабря 1931 года, — утвержденного Крайисполкомом).

На это решение передовики колхозники откликнулись горячо. „Пусть не торжествуют враги, мы создадим новый действительный колхоз“, — с большим волнением говорила на собрании ударница Багинова. Но подобные голоса были заглушены. Местное руководство формально восприняло решение о распуске колхоза, не сделало из этого никаких политических выводов, не сумело, несмотря на „признание оппортунистических ошибок“, мобилизовать массы на борьбу с кулацким сопротивлением, и вместо создания действительно нового колхоза, ограничились канцелярской перерегистрацией членов колхоза, причем, ряд активистов, ударников оказались вне колхоза, а вся мразь, все чужаки, воры и лодыри вновь остались в нем в полной неприкосновенности.

„Темпы“ уборки, хлебозаготовок и осеннего сева.

Таким образом, за год, истекший после роспуска колхоза им. Ленина, положение в Темиргоевской мало изменилось. Больше того, длительная безнаказанность окрылила кулацких ставленников, активизировала их классовую энергию в борьбе с колхозным строем, сплотила их для более организованного саботажа хлебозаготовок, сева и других важнейших государственных хозяйствственно-политических заданий. К началу ноября 1932 года план хлебозаготовок по колхозному сектору был выполнен на 32%, по единоличному на 24%. Больше 400 га колхозной кукурузы (30%) оставались не убранными, на корню, и невзирая на то, что кукуруза была решающей культурой в хлебном плане, из 632 гектаров убранной кукурузы, на 5 ноября не сдано и грамма. Сотни гектаров подсолнуха гнили на полях; государству не вывезено ни единого центнера.

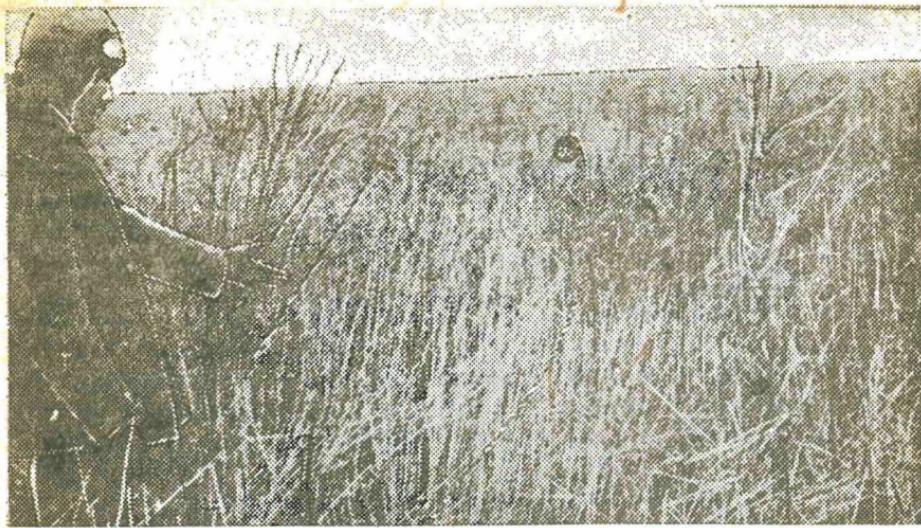
К этому времени колхозы засеяли, менее 20% плана озимых, а единоличники 10%.

Несмотря на то, что единоличники имели тягло, они в большинстве под влиянием кулацкой провокации перестали заниматься производительным трудом, вели явно паразитический образ жизни, разворовывая колхозный урожай и бесшабашно спекулируя на базарах. Своих посевов 1.060 единоличных хозяйств станицы имели и убрали в 1932 г. (озимых и яровых) — 397 гектаров, меньше трети гектара в среднем на один двор, тогда как даже плохие, нерадивые темиргоевские колхозы имели больше 4 гектаров на одну колхозную семью.

Попрежнему в колхозах колоссальные потери и крайне низкая производительность труда (за день целая бригада — 62 человека

Коммуна „МОПР“. Из-за плохого обмолота проводится вторичный обмолот, который дает 25—35 кг. с 1 га.

Неубранный посев среди сорняков (кэлхов им. Ленина).

успевает наломать только 3 га кукурузы, или бригада в 53 чел., имея 26 лошадей, засевает в день 0,5 гектара); выход на работу ниже 40%, а начинаются полевые работы с 10—11 часов утра. Во всех колхозах прогулы достигли невероятных размеров.

В колхозе „Мэлот“ взяты на выборку из различных бригад 218 трудоспособных. Из них 43 чел. не имеют за 9 месяцев (с начала года) ни одного трудодня, а 80 чел. имеют от 1 до 50 трудодней; и только 32 чел. имеют от 150 трудодней и выше.

Мелкобуржуазная расхлябанность и распущенность плодились еще существовавшей уравниловкой. В коммуне „МОПР“ — 683 едока и все они, независимо от количества и качества работы, обеспечиваются питанием из общего котла. А что показывает таблица распределения трудодней за год в „МОПР“?

Выработка	Колич. чел.
До 25 трудодней	121
От 25 до 75 "	125
от 75 до 150 "	142
от 150 до 250 "	113
от 250 до 350 "	52
свыше 350 "	18

Ясно, что около половины участников труда являются далеко не заслуженными „едоками“.

Трудодни разбазаривались нещадно: например, в колхозе „Мэлот“ на обслуживающие административно-хозяйственные, управленические расходы ушло за 10 месяцев 1932 г. до 25 тысяч трудодней (27,4% всего количества). Трудодни насчитывались людям, не имеющим ничего общего с колхозом (до 1.000 трудодней).

Колхозник-ударник Отдалов Т., непрерывно работавший в степи, заработал 138 трудодней, а сторож Гладкин Е. — 232 трудо-

дня или Тимошин (хозработка) — 297 трудодней и т. д. Колхозное производство расшатано до основания. 393 га озимой пшеницы, 304 га кукурузы, 205 га разных культур погибло в „Молоте“ в 1932 году, благодаря вредительскому отношению к артельному хозяйству, благодаря полной беспечности к качеству сельхозработ. Правда, эта статистика не совсем точна; часть из погибшей площади, разумеется, „погибла“ только в кавычках; попросту была скрыта от государства кулацкой бухгалтерией.

Колхозный аппарат засорен самыми от'явленными ненавистниками советской власти.

В числе организаторов саботажа и воровства мы находим: учетчика Землянова — бывшего помощника атамана, сыновей бедного палача Шамшуриных, бывшего крупного арендатора Степаненко, раскулаченного в 30 году и ныне пролезшего в колхоз, активного белогвардейца-картеля Пахомеева, кулацкого пропагандиста Ходерева, открыто и безнаказанно угрожавшего колхозникам приходом белых, бухгалтера Моргунова — активного со- противленца заготовкам, кладовщика Попова — бывшего белогвардейца, бригадира Иванова — бывшего кулака и много других по- добных „радетелей“ трудящегося колхозного крестьянства.

Наиболее яркий представитель разложившихся, антинародных элементов — зампредстансовета Ивлев. Это именно его, как своего надежного агента, кулацко-белогвардейская сволочь протискивает к „высшей станичной власти“. Фигурой Илева враг „убивает двух зайцев“. Во-первых, — Ивлев не только не мешает, а наоборот — по мере своих сил и способностей пособляет воровским махинациям организаторов саботажа. Во-вторых, — Ивлев, насилующий на поле женщин, застигнутых за кражей кукурузы „в награду“ за безнаказанность и обещание „не замечать“ во- ровства и впредь, — весьма удобен, как предмет дискредитации советской власти в станице.

По команде кулачья — зампредстансовета Ивлев сб'езжает колхозные поля, оберегает воров, именем власти поощряет их на дальнейшие „подвиги“, получает за это „натураой“, докладывает затем в стансовете, что все благополучно. А тем временем дея- тельность Илева провокационно используется кулаками для антисоветской агитации — вот она какая власть, насильники и бояки... Незачем говорить, что в числе разсблоченных и аре- стованных врагов народа, о которых говорится подробно в по- следующем разделе книжки — Ивлев и его наставники были одними из первых.

Кулацкий лозунг „кто не ворует, тот не ест“.

В решениях Крайкома о хлебе и севе речь, конечно, идет о борьбе за решительное укрепление колхозов, о борьбе с теми элементами и теми явлениями, которые подрывают существование колхозов и нормальное развитие колхозного производства.

В результате безобразно равнодушного отношения к разворовыванию колхозного добра, в станице стал гулять кулацкий лозунг: „кто не ворует, тот не ест”. Кулак старался истолковать последние решения партии и правительства о колхозной торговле, о личном хозяйстве колхозника как возвращение к свободной торговле, как отказ от борьбы за развитие колхозного производства, и поэтому лозунг: „воруй”, был дополнен вторым: „наворованным спекулируй”.

„Колхозники по положению уже не единоличники, а коллективисты, но сознание у них пока еще старое, частнособственническое. И вот, бывшие люди из рядов эксплоататорских классов используют частно-собственнические привычки колхозников, чтобы организовать расхищение общественного имущества и тем поколебать основу советского строя — общественную собственность” (Сталин).

Некоторым, наименее устойчивым колхозникам, могло и в самом деле показаться, что отныне „дурак только не ворует”, что „жить честно нельзя”, надо воровать, тем более, что кулацкие кровопийцы цинично подхихикивали: „В колхозе хорошо жить: вор наворуется, лодырь нагуляется, дурак наработается”. Кадры подкулачников стали пополняться, и расхищение колхозного добра приняло массовые размеры.

Что же было противопоставлено этой кулацкой агитации и не только агитации, но и действиям? Сельские парторганизации оказались не на высоте положения, не сумели своевременно организовать отпор классовому врагу как по линии политической, общественной работы, так и по линии практических мероприятий. В особенности, именно по этой линии. Ведь, несмотря на то, что своевременно было издано постановление об охране общественной социалистической собственности, которое давало в руки местных организаций острое орудие борьбы против кулацких расхитителей, должного размаха эта борьба не приняла. В лучшем случае, занимались разговорами, голой агитацией, болтовней, не подкрепляя слова соответствующими делами. Кулак же не только агитировал, он действовал, спекулировал и воровал, воровал и спекулировал.

Он „сумел так разъяснить, так помочь развязаться этим мелко-собственническим настроениям, что расхищение стало не только массовым явлением, но и почти стихийным делом” (Шеболдаев).

Лозунг: „Коммунисты в поле, в бригаду, на плуг, на садилку”, этот правильный лозунг восприняли и проводили неправильно, формально. Если одна часть уклонялась от его реализации и вообще бездействовала, то другая, лучшая часть носилась по полю, из бригады в бригаду, или делячески выполняла определенную порученную ей работу в бригаде. Забывалось при этом, что есть задачи, стоящие перед парторганизацией и в самой станице, тем более важные в таких условиях, когда подчас половина кол-

хозчиков не выходила на работу, а в станице половина населения—единоличники, забросившие землю и честный труд. И в то время, когда эта лучшая часть парторганизации забросила станицу, у нее в тылу, так сказать, парторганизации орудовал кулак, подкулачник, спекулянт и вор. Эти коммунисты, как караси-идеалисты, забыли, что имеется кулацкая щука. „На то и щука в море, чтоб карась не дремал“,—говорит пословица. Эти же коммунисты проспали ту подрывную работу, которая велась кулаками в станице. Не сумели правильно расставить свои силы так, чтобы все участки работы были обеспечены надлежащим политическим руководством.

Правильная расстановка сил — это основное условие успеха партийного руководства. Эта расстановка определяется и задачами, которые стоят перед нами, и той обстановкой, в которой приходится действовать. И, если в станице оказывается огромная масса не выходящих на работу, огромная масса кулаков и подкулачников, то совершенно естественно, что и здесь должны быть намечены соответствующие меры, опорные пункты работы.

Разве можно не считать совершенно политически ослепшей ту парторганизацию, которая в условиях Северного Кавказа—края сплошной коллективизации—до последнего момента, до конца 32 года терпела такое положение, когда в кубанской станице половина населения единоличников? А ведь в Курганенском районе не одна Темиргоевская—такая станица. Та же картина и в Петропавловской. Значительная прослойка единоличников имеется и в других станицах. Именно в результате политической слепоты, парторганизации этих станиц не заметили, что эти единоличники попадают все больше под идейное владычество кулацких элементов. Если бы этого не было, то основная масса оставшихся вне колхоза давно была бы в колхозе.

Парторганизации не поняли той простой вещи, что они не могут

„оказать более плохую услугу не только партии, но и самому мелкому крестьянину, обещая ему и вызывая у него, хотя бы луч надежды, что мы будем стремиться надолго сохранить его мелкую собственность“ (Ф. Энгельс).

Поддав под влияние кулака, единоличник оказался орудием его борьбы против колхоза. Он стал превращаться в паразита, живущего на теле колхозной деревни, за счет колхозного добра. Воровство и спекуляция стали его профессией, его хозяйственной функцией, разложение и подрыв колхоза — его символом веры, кулак и подкулачник—вождем.

Для решительного оздоровления колхозов, встала вся сумма вопросов, которая обнимается всем известной формулой организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Насколько плохо был организован труд, можно видеть еще и из следующего дневного графика „расстановки“ сил в колхозах ст. Темиргоевской 6 ноября.

Колхозы	Трудо-способ.	Явилось на работу	Из них в поле	В том числе на ломке кукурузы
им. Ленина	470	239	118	49
„Садовод“	397	124	ни одного	—
„Молот“	430	213	54	54
„МОПР“	276	164	ни одного	—

Таков „разгар“ полевых работ, „разгар“ кампании по ломке кукурузы. Основными производственными задачами занято нижнешнее меньшинство колхозников.

И, если кулак, натравливая единоличников на колхозы, посмеиваясь говорил: „в колхозах одни лентяи“, то он имел возможность подкрепить свою демагогию многими примерами, образцами тунеядства и разгильдяйства, которые имеются среди колхозников, и им самим исподтишка насаждаются. Лентяи, тунеядцы, воры стали значительной фигурой среди колхозников, которую искусно использовал кулак.

Враги пытались создать трещину в смычке.

Саботаж хлебозаготовок и сева, организованный кулачеством успел нанести немалый ущерб кровным народно - хозяйственным интересам нашего государства. Кулацкие элементы и их отвратительные лакеи, присосавшиеся к партии, подкапывались не только под самые устои колхозного строительства, но и норовили прощупать крепость диктатуры пролетариата, оставить город без хлеба, создать пропасть в смычке рабочего класса с крестьянством.

„Колхозное движение,— говорил тов. Сталин,— ставит на новую почву вопрос об отношениях между городом и деревней, „противоположность между городом и деревней будет размываться усиленным темпом“.

Сплошная коллективизация создает почву для того, чтобы лозунг партии „лицом к деревне“ дополнялся лозунгом крестьян-колхозников „лицом к городу“. И в этом нет ничего удивительного, ибо крестьянин получает теперь от города машину, трактор, агронома, организатора, наконец, прямую помощь для борьбы и преодоления кулачества. Крестьянин старого типа, с его зверским недоверием к городу, как к грабителю, отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин, крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой на получение оттуда реальной производственной помощи“.

Вот к этому новому, что внес нынешний этап нашего развития в отношения между пролетарским городом и колхозной деревней — враг подошел по-своему.

„От города бери и требуй, а городу не давай ничего“
„Незачем стараться, хозяйство не твое, а казенное, незачем работать — власть все должна дать, власть все должна сделать“.

„Сначала себе — потом государству“.

Таковы основные лозунги, за которые кулачье судорожно цепляется и которыми всемерно пытается привить колхозам старую звериную отчужденность деревни от города и привести, стало быть, в конечном счете к тому, чтобы колхозы разъедались ржавчиной мелкобуржуазной, потребительской ограниченности.

Под этим углом зрения, важно привести „схему-расчет распределения доходов“ в самом большом темиргоевском колхозе „Молот“ за 1932 год (документ составлен на 21 ноября 1932 г.). Прежде всего показательно, что доход на трудодень вырос в этом году, по сравнению с прошлым, на 33%. В 1931 году — 55,5 коп. (включая и натуральную, и денежную часть) в 1932 г. — 73 коп. И это, несмотря на засилье кулацких, паразитических элементов в колхозе, несмотря на крайне низкую производительность труда, разбазаривание трудодней, вредительский учет, несмотря на то, что значительная часть урожая была расхищена колхозными и единоличными ворами, несмотря на то, что сам урожай зерновых в колхозе был значительно ниже прошлого года, благодаря запущенности полей и безобразно плохой их обработке.

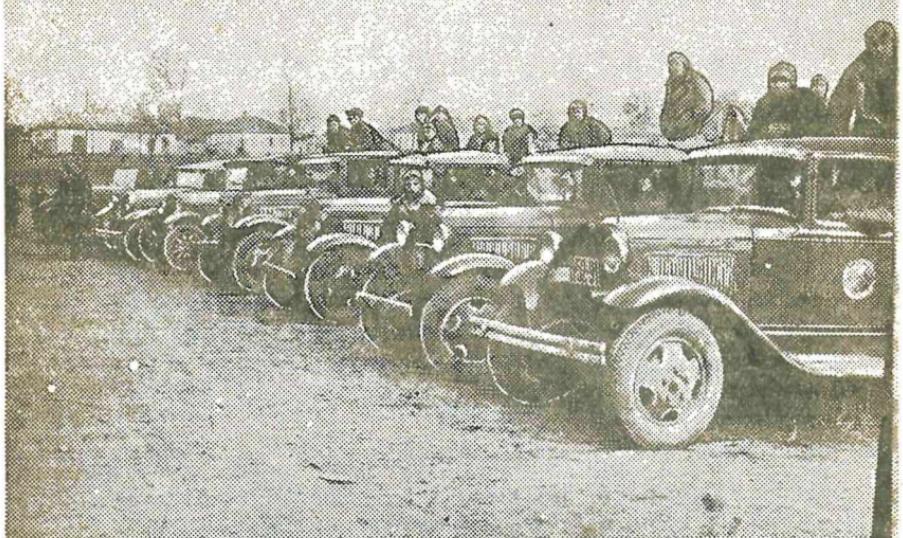
Даже в самом плохом колхозе классовому врагу не удалось (и не удастся никогда!) развенчать основные преимущества, которые дает артельное, обобществленное хозяйство, развенчать те наглядные выгоды, которые предоставляет этому хозяйству производственная помощь и правильная политика пролетарского города по отношению к колхозной деревне (например, в графе доходов, пункт: „советская колхозная торговля“ в 1931 году — ничего, в 1932 году — 70.000 руб.).

Всего доходы колхоза составляют в 1931 году — 197.817 руб. 46 коп., в 1932 году — 215.270 руб. 16 коп., рост — на 9%.

Итак, доходы и стоимость трудодня повысились в „Молоте“, в условиях кулацкого вредительства, саботажа, организованного врагом. Как же будут расти кубанские колхозы, когда на их пути будут убранны последние вражеские рогатки!

„Разве не ясно, что наше молодое социалистическое земледелие (колхозное и совхозное) имеет великую будущность, что оно будет проявлять чудеса роста?“ (Сталин).

Но схема распределения доходов показывает, насколько колхоз „Молот“ был пронизан кулацким влиянием. Значительные потери, разбазаривание, расхищение плюс пониженная урожайность привели к тому, что натуральная часть дохода от земледелия снизилась (в денежном выражении) с 64.725 руб. 44 коп. в 1931 году до 43 318 руб. 79 коп. — в 1932 году. Натурой же колхозникам выдали почти столько, сколько и в прошлом году. Совершенно незначительные изменения.

Прибытие рабочей авто-мото-колонны Крайавтодора на помощь темиргоевским колхозам и МТС от рабочих г. Ростова и д.

Мало этого, печеным хлебом израсходовано 1.600 граммов зерна на трудодень (больше, чем в прошлом году), а всего около 10.000 пудов, при длительном и упорном сопротивлении хлебозаготовкам.

„Милосердные“ руководители колхоза кормили всех „алчущих и жаждущих“ жуликов и тунеядцев, „не жалея затрат“... На поле приходили толпами, как на празднество, исключительно затем, чтобы получить хлеб и каким-нибудь способом отметиться. На работу нехватало людей, зато дармоедов, „лишних ртов“ — предостаточно; живоглотам жилось сытно и вольготно. Было забыто и растоптано указание Ленина о том, что:

„надо систематически „ловить“ таких „лишних“ едоков, нарушающих основной закон: „не трудящийся, да не ест“ (т. XVIII, ч. I, стр. 248—249).

Колхоз работал плохо, огромная часть колхозников бездельничала и растиаскивала зерно, а „расплачивается пусть государство“...

„Давайте делить, что имеется, да поскорее, сначала себя обеспечим, а уж государству, — что останется“...

Эта антисоветская практика, творившаяся на Кубани рядом плененных кулаком лжекоммунистов приводила к тому, что государству во многих случаях ничего „не оставалось“...

В колхозе „Молот“, как и во всей Темиргоевке, дело было поставлено таким образом, что всякий недочет, всякий недобор

перекладывался не на плечи плохо работающих, отлынивающих от работы тунеядцев, воров, а на плечи пролетарского государства, хотя поля колхозов обрабатываются государственными МТС, хотя в деревню из города идут машины, кредиты и товары широкого потребления, из года в год улучшается материальное положение колхозников. На лозунг партии „лицом к деревне“, оппортунисты отвечают кулацким дополнением — „лицом от города“.

Механика кулацкого саботажа.

При обсуждении решения Крайкома партии „о ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани“, от 4 XI—1932 г., в темиргояевском колхозе им. Ленина, бригаде, состоявшей преимущественно из женщин, был задан вопрос:

— Как вы отнеслись бы к кулаку, который пришел бы к вам с агитацией выйти из колхоза, развалить его и вернуться к прежней жизни.

— Побили бы, прогнали в шею, заявили бы куда следует, — хором громко смеясь, но вместе с тем обиженно ответили уже немолодые колхозницы, явно удивляясь такому неожиданному вопросу.

Действительно, выступать теперь с открытым забралом противочно и бесповоротно утвердившегося в деревне колхозного строя, крайне трудно, рискованно, почти невозможно. В лагере самых остервенелых наших врагов, едва ли найдутся такие смельчаки.

„Поэтому, единственное, что остается им делать — это пакостить и вредить рабочим и колхозникам, советской власти и партии. И они пакостят, как только могут, действуя тихой сапой“. (Сталин).

„И“ весь центр антиколхозной работы враг перенес внутрь самого колхоза, поражая его наиболее слабые звенья, разлагая наиболее неустойчивые элементы, используя традиции и пережитки капитализма.

Как уже показано выше, при попустительстве, а иногда при активной помощи кулацких ставленников, изменников делу партии, и из нее еще не вычищенных, врагу удается кое-где временно завладеть процессом колхозного производства, процессом организации труда.

А это значит, с самых удобных позиций целиться колхозу прямо в сердце. Тактика классового противника сейчас заключается именно в этом.

„Одна из причин недостатков нашей работы в деревне,— как указывал тов. Сталин в своей речи на об'единенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 33 года,—состоит в неумении целого ряда наших товарищей на местах перестроить фронт борьбы с кулачеством, в непонимании того, что лицо классового врага изменилось за последнее время, изменилась

и тактика классового врага в деревне и что сообразно с этим надо изменить свою тактику, чтобы добиться успеха. Враг понял изменившуюся обстановку, понял силу и могущество нового строя в деревне и, поняв это, перестроил, изменил свою тактику — перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой. А мы этого не поняли, новой обстановки не разглядели и продолжаем искать классового врага там, где его нет уже, продолжаем вести старую тактику упрощенной борьбы с кулачеством, тогда как она, эта самая тактика, давно уже устарела.

Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди такие „сладенькие“, почти „святые“. Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и так далее. Они никогда не скажут „долой колхозы“, они „за“ колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится.

Наиболее наглядным примером является крупнейший Темиргоеvский колхоз им. Ленина, подвергавшийся роспуску в 1931 г.

Колхоз обеспечен прекрасной землей, достаточным количеством рабочей силы, тягла и инвентаря, обслуживается МТС, имеет табачную плантацию и молочную ферму, обладает неисчерпаемыми возможностями для колхозной торговли, колхозники имеют в индивидуальном пользовании очень хорошие приусадебные участки.

Словом, колхоз имеет все основания быть прочнейшим образцом колхозного строительства, колхоз полностью и до конца может использовать все преимущества сельхозартели и вложенное в ней сочетание общественного интереса с личным.

Между тем, решение Крайкома партии от 4 ноября застало колхоз им. Ленина в положении медленного, но верного разложения, почти на грани развода.

В чем дело? А дело в том, что руководство колхоза, опираясь на отсталую худшую часть колхозников — врачей, лежебоков, паразитов, жуликов — под прямую диктовку кулацких элементов, исподволь руководивших хитро и коварно жизнью станицы, — систематически противопоставляли интересы колхоза интересам государства. Характерно при этом отметить, что такое кулацкое противопоставление, должно и местнически понимаемое, как улучшение жизни колхозников, на самом деле неизменно ведет, прежде всего к тому, что страдает лучшая часть колхозников — ударников, ибо она то и обкрадывается любителями пожить за общественный счет, за счет труда своего „ближнего“.

Указания центральных и краевых органов выдавать 15% авансом от валового обмолота в колхозе эту директиву углубляют и выдают 25,5%, причем, получают и люди ни разу в течение года не выходившие на работу. И вот обмолочено на 1 ноября 2.958 центнеров пшеницы, на авансы надо было израсходовать 443 центнера, а фактически раздано — 799 центнеров. Не успели еще убрать и половину кукурузы, а ее уже „израсходовано“ свыше 30% к обмолоту. Хлебозаготовки тем временем не двигались с места.

В своих показаниях суду бывший председатель правления колхоза Миронов цинично признает: „Я знал, что перерасходуя пшеницу, колхоз не сможет выполнить хлебозаготовку“. Но этого мало. Миронов вместе с бухгалтером Моргуновым, дважды исключавшимся из партии (оба расстреляны по приговору суда) при снисходительной безмолвной помощи быв. секретаря станции парткома Некрашевича продают единоличникам 320 га посева пшеницы на корню, отнесенных к разряду „погибших“ (эта сделка готовилась давно, сев нарочно был произведен преступно небрежно). Но единоличники почему то заплатили за эту „погибшую“ площадь по 50 рублей с га. И, с точки зрения спекулянтов, не зря заплатили. Самое малое 3—4 центнера с га обмолячили.

А Моргунов неистово составлял балансы по методу „двойной“ бухгалтерии — одну для себя, для „своих“, — другую для государства, для „чужих“.

Хищения, воровство общественного добра, все больше и больше становились бытовыми явлениями в колхозе. Честных, добросовестных работников травили, людей, преданных колхозному делу, упорным трудом его укрепляющих, открыто и втихомолку называли дураками. Враги народа наглели и жили вольготно, как у „христа за пазухой“. Но самое главное — расстановка сил была так организована, чтобы каналы хищений и разбазаривания урожая оставались неизменно открытыми.

До 1 ноября ни одного кочана кукурузы не было сдано на элеватор при годовом плане в 1.715 центнеров. К этому времени убрано было свыше 100 га (из уборочной площади — 376 га). Только к 6 ноября были вывезены первые 45 центнеров (2%).

Кулацкие элементы подсунули колхозу тройной маневр с кукурузой: 1) подольше тянуть с уборкой, иметь на полях ресурсы для хищений; 2) наломанную кукурузу тотчас же разбазаривать на месте, чтобы не доставалась государству; 3) совершенно скрыть 100 га посева, оставить их под конец. К этому маневру, в частности, приспособливается организация труда, распределение на работу.

Вот, к примеру, 29 октября: на полях остается больше 300 га неубранной кукурузы. На работе в этот день 310 колхозников, из них на подсобных и различного рода „прочих“ работах — 146 чел., на полевых только 133 чел., на кукурузе — никого.

30 октября — на корню все те же 304 га кукурузы — на ломке никого.

Сорняки на поле колхоза им. Ленина.

31 октября — из 350 участников труда — на кукурузе (главной работе в этот период) 21 чел. За день обломано 4 га.

То же самое и с севом. Вот, например, 5 ноября на севе, из 340 явившихся — только 22 чел и 8 лошадей — посеяно 2 га.

Кулацкий саботаж, разложение колхоза; чудовищный упадок трудовой дисциплины происходили под барабанный шум и треск. Людей посыпали на работу, составлялись наряды, велся учет, записывались трудодни, лк ди торопились, переходили с места на место, из бригады в бригаду, ими командовали, но все это для того, чтобы ничего не получалось и, чтобы легче было прикрыть этой стряпней организованный кулачеством и его приспешниками подрыв колхоза, сопротивление государственным планам по хлебу и севу, мероприятиям партии и советской власти по социалистическому переустройству станицы.

О закреплении постоянной бригады, о своевременном доведении до нее производственных планов, о правильном уходе за тяглом, о проверке качества — по настоящему не было и речи.

Трудодни записывались всем, кому попало, как говорится „невзирая на лица“. Лодырничество свирепствовало во всю, мертвых душ сколько угодно, выходы на работу не поднимались выше 40—50%, и в то же время в колхозе нет лодырей — все имеют трудодни; получалось, что трудодни начислялись за воровство. Кто ударник, кто лентяй, кто добросовестный труженик, а кто паразит — колхозное руководство этими вопросами не интересовалось.

„Все мы — колхозники“... Все имеют трудодни, все должны быть участниками дележки. Антиколхозные элементы маскировались трудоднями, ибо как же теперь без трудодня? Колхозный учет безраздельно был поставлен на службу кулацкому вредительству.

Возьмем таблицу распределения трудодней в двух полевых бригадах колхоза: на 1 октября 1932 года израсходовано 15.764

трудодня на 114 трудоспособных, причем „трудоспособных, не имеющих трудодней“ — нет. А сколько в бригадах шатающихся людей?!

А сколько трудодней поели в колхозе различного рода подсобные и административно-хозяйственные работы?! Машина крутилась, скрипела, управлялась чужими руками. Руки эти безнаказанно тянулись к общественной, социалистической собственности и под покровом колхоза торопились подправить свои спекулянтские дела, разводили пшеницу (Моргунов М. В. — машиновед) на усадебных землях, нанимали у единоличников лошадей, инвентарь и рабочую силу.

* * *

Вот, в связи со всей этой обстановкой, постановлением Крайкома партии, совместно с представителями ЦК ВКП(б), 4-го ноября 32 года станица Темиргоевская была занесена на черную доску. Крайком предлагал:

„В отношении станиц, занесенных на черную доску, применить следующее:

а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров;

б) полное запрещение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и для единоличников;

в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств;

г) проверку и очистку органами РКИ колхозных, кооперативных и государственных аппаратов от всякого рода чуждых и враждебных элементов.

Предупредить жителей станиц, занесенных на черную доску, что в случае продолжения саботажа сева и хлебозаготовок, краевыми организациями будет поставлен перед правительством вопрос об их выселении из пределов края в северные области и заселении этих станиц добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях“.

Эти мероприятия Краевого комитета партии целиком вытекали из генеральной линии партии на окончательный разгром кулацких осколков и их сопротивления социалистическому строительству в станице.

Эти мероприятия органически вытекали из учения Ленина, требовавшего

„Организовать великий „крестовый поход“ против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников“, объявить войну „не на жизнь, а на смерть, богатым и их прихлебателям... жуликам, тунеядцам и хулиганам“. „Чтобы сломить и беспощадно подавить кулаков, нужны самые крутые и беспощадные меры“.

II.

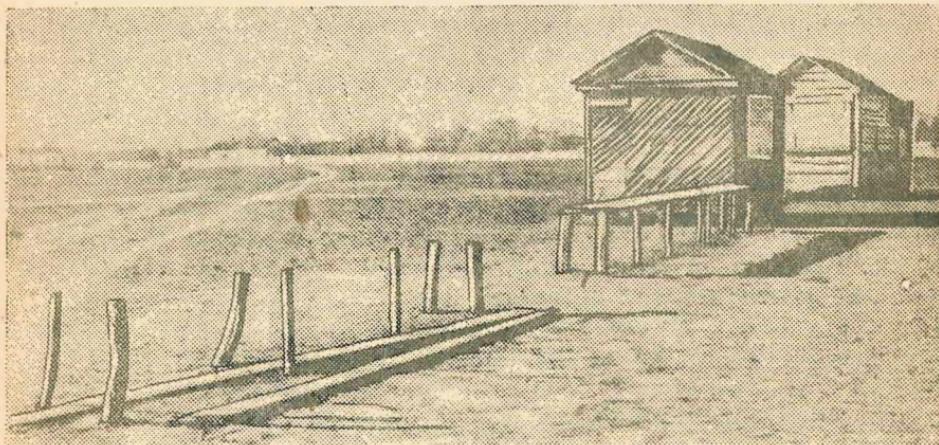
Решение Крайкома партии в действии.

Жители станицы на практике узнают, что такое „черная доска“.

Первое сообщение о занесении Темиргоевской на черную доску среди некоторых слоев населения было встречено с деланным безразличием; а кулацкий „агитпроп“ успокаивал: „Что на черной, что на красной — один чорт!“

6-го ноября утром был закрыт колхозный базар, прекращена всякая кооперативная и государственная торговля, товары из магазинов погружены на подводы и вывезены из станицы. Базарные завсегдатаи попытались было выехать поторговать в другие станицы, но были задержаны. Вечером прибывшая бригада Крайкома приступила к подробному разъяснению решения Крайкома в массах.

Началось досрочное взыскание долгов по ссудам и кредитам у колхозов. Одновременно закипела работа органов власти и суда по выявлению и изъятию кулацко-белогвардейских элементов, закоренелых паразитов, вредителей-организаторов саботажа хлебозаготовок и сева, завзятых подрывников колхозного производства.

Станица на черной доске — базар закрыт.

В течение нескольких дней (на 9 ноября) было арестовано 140 чел., из них бывших кулаков — 30, бывших атаманов — 2, сыновей помещиков — 2, десятки бывших белогвардейцев-карательев-вешателей, десятки „колхозников“ — родственников высланных кулаков и поддерживающих с ними тесную связь, 10 чел. руководящего и должностного состава колхозов.

Только за два дня, 6 и 7 ноября, без особых усилий было обнаружено свыше 500 пудов украденного колхозного хлеба, а выездная сессия суда по горячим следам провела показательный процесс над расхитителями колхозного урожая Болдыревым Сергеем и Чаловым Михаилом. Оба присуждены к лишению свободы на 10 лет каждый. Подобные процессы последовательно продолжались и в дальнейшем, по мере выявления воров и вредителей.

Все эти мероприятия подействовали отрезвляюще и показали населению, что: 1) занесение на черную доску не шутейное дело, а всерьез рассчитанное на беспощадный разгром кулацкого саботажа и 2) начали поднимать голову ранее придавленные передовики-колхозники ударники, честные трудолюбивые люди и, стало-быть, созданный кулачеством единый фронт хищений и утайки зерна, сопротивления севу и хлебозаготовкам, — будет расширен.

„Орудию везут“. Организация печатной газеты.

Когда сгружали доставленную выездной редакцией краевых газет в Темиргоевскую типографию, старую печатную машину „американку“, некоторые станичники приняли за новейшую технику в области вооружений. „Орудию привезли“ — шопотом поползли слухи и кривотолки. И, действительно, в станицу было привезено самое острое орудие партии — печать. 8го ноября вышел первый номер ежедневной печатной газеты „Сломим кулацкий саботаж“, сыгравшей исключительную политическую, организаторскую роль в борьбе с саботажем.

Газета, ставшая в центре всей оперативной и массовой политической работы в станице, привлекала огромный интерес. Еще задолго до выхода очередного номера, помещение редакции буквально осаждалось колхозниками, единоличниками, представителями станичных организаций, коммунистами, комсомольцами, школьниками.

Этот интерес об'ясняется, главным образом, тем, что каждый номер газеты был насыщен подлинным динамитом классовой борьбы, что с каждой строчки газетного материала — будь то разоблачительные заметки колхозников, сводки о выполнении планов, передовицы и статьи, официальные постановления и лозунги, стихи и об'явления, прокламации и призывы — отовсюду действенность борьбы за реализацию решения Крайкома — горела живым большевистским огнем. Газета брала за живое.

„Сломим кулацкий саботаж“ распространялась во всех 18-ти сельсоветах Курганенского района; кроме того, в районной газете „Знамя коммуны“ перепечатывались важнейшие материалы из

Типография выездной
редакции.

„С. К. С.“, что давало возможность передавать и другим станицам опыт борьбы за хлеб у „чернодосочной“ соседки.

После получения первых номеров „Сломим кулацкий саботаж“ в Веревкинском стансовете, например, наметился явный перелом в отношении к колхозному производству. 9-го ноября на работу в колхозе „Наш путь“ вышло 89 чел., 10-го—297, 11-го—304. На уборку колхозной кукурузы добровольно вышла и часть единоличников. Под лозунгом „не допустим, чтобы нас занесли на черную доску и закрыли торговлю“, под влиянием живого темиргоевского примера,—веревкинцы, что называется, „налегли“. Ряд колхозников, ранее запасшихся медицинскими справками о необходимости их использования „только на легкой работе“, поспешили изорвать эти лодырнические охранные грамоты и явились на поле. Под влиянием темиргоевских материалов в „Сломим кулацкий саботаж“ усилился сев и в Булгаковском с/с.

Мы подчеркиваем специально эти обстоятельства для того, чтобы вновь и вновь, особенно при подготовке к весне, заострить внимание на величественной силе нашей печати, на необходимости всемерного укрепления газет, особенно в районах, заботливого отношения к низовой МТС'овской, станичной, колхозной и бригадной печати.

Все на ломку кукурузы!

Главным звеном, за которое бригаде Крайкома надо было ухватиться с первого же дня, чтобы достигнуть перелома в хлебозаготовках в Темиргоевской, разумеется, была борьба за уборку кукурузы, умышленно затягивавшаяся саботажниками, как и в 1931 году (уборка продолжалась всю зиму в глубоком снегу, почти до самой весны).

7-го ноября станичный совет об'являет трудовую мобилизацию всего населения:

„Принимая во внимание ухудшившиеся за последние дни климатические условия, угрожающие гибелью и порчей оставшейся неубранной в поле кукурузе, считать необходимым для спасения урожая — закончить

**САБОВЕМ НЯРД ОСТАЕШ
НА КИЕВСКОМ ЧЕРНОЖ**

卷之三

Темирговского станочного совета
одинодушнам 2-го квартала.
(Постановление совета от 26 сентября 1932 года).

В залу заседаний Президиума внесено предложение изложить на заседании по вопросу оценки новых сортов и зерна то, что засажденное зерно было разбросано в поле с различными погодными условиями.—Технический отдел по генетике узкоколюстных зерновых культур и сортов промышленной посевной.

1) Прагматичні вимоги засновані на високоякісному гостинностім які відповідають 2-му кварталу економічного — в період 45-го року та їх називають в 2024-му році підприємства зможуть виводити здання 2-кварталу.

В АРХИВЕМ ОГНЕВОГО МАСТЕРСТВА 2-го КОМБАТА
БЫЛ ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СТАРИХ ИЗ КОМБАТОВ.

2) В последний раз предупредить все члены семьи, что Сироткин входит во вторую группу граждан, подлежащих аресту по советским законам. ВНИМАНИЕ! НЕ МАТЬ ПОДДЕРЖИВАЮЩИХ ЗАЛИНГУСА ПРИЧАСТИЯ К РАБОТОМ ПО ОБСЛУЖИВАНИЮ ГОСУДАРСТВА.

其8月X日3465单 AHTK印

BBE HA 80

DOCKADA - **WILNA**

卷之三

卷之三

卷之三

26

ноябрь

1932 г. № 26

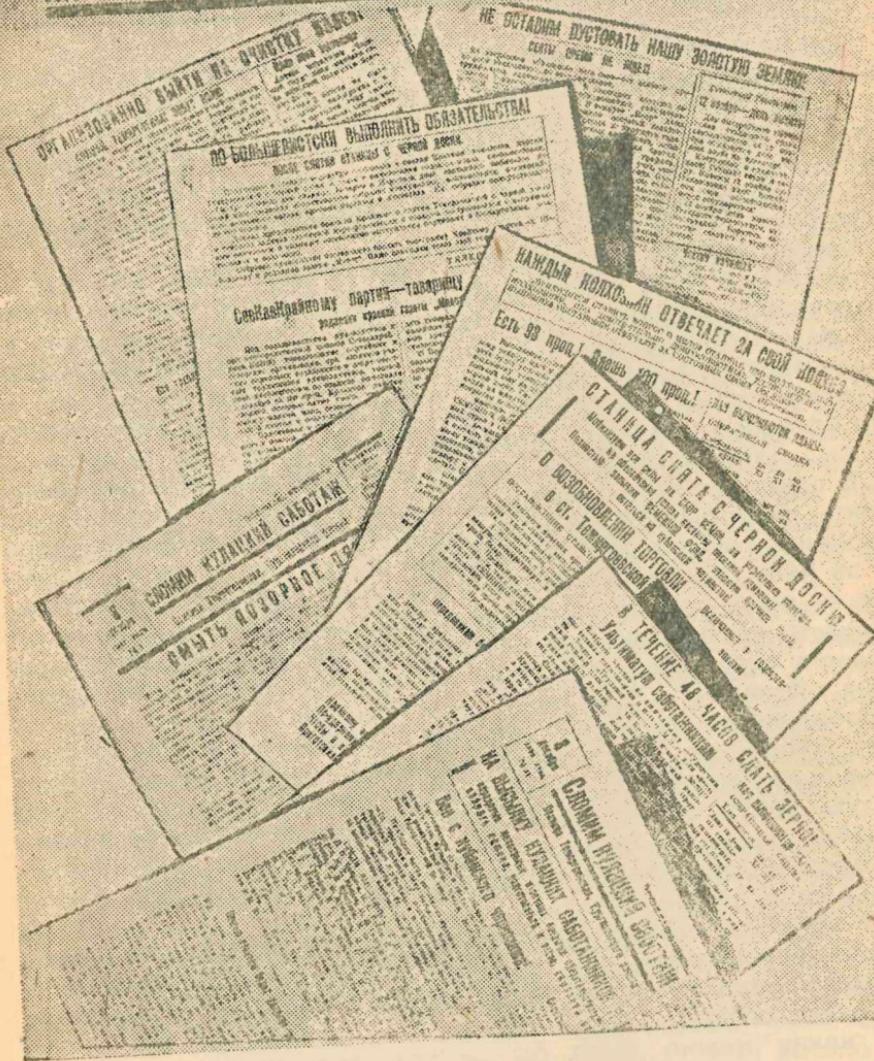
26-го

Сломим кулацкий саботаж

Станица Тамирговская, Курганского района

Спецвыпуск
газет:
«Молот»,
«Комсомольская
Правда» и
«Избран
Коммунист»

НИКАХИХ ОТГОВОРОК! хлебозаготовки выполнить полностью,
немедленно, во что бы то ни стало!

уборку кукурузы в течение 3—4 дней. Для этого президиум стансовета постановляет:

1. Об'явить по всему стансовету обязательную трудгужповинность с 8 ноября 1932 года всего трудоспособного населения, мужчин в возрасте от 18 до 50 лет и женщин от 18 до 40 лет для ломки кукурузы.

2. Всему мобилизованному населению с имеющимся у единоличников тяглом явиться 8 ноября к 6 часам утра к зданию сельсовета, откуда направляются на работу.

3. Возложить на органы милиции, квартиральных уполномоченных ответственность за неуклонное и своевременное проведение настоящего постановления в жизнь, применяя к уклоняющимся меры взыскания (штраф, предание суду).

В темиргоевской обстановке такая мобилизация была настолько непривычным и удивительным делом, что вызвала большие толки и любопытство среди населения, особенно единоличного. Вечером 7-го ноября широко была распространена в колхозных бригадах, в квартирах единоличников, по всем хатам газета „Следим кулацкий саботаж“, с постановлением стансовета. Началась подготовка. Что покажет утро?

Многие готовились не столько работать, сколько посмотреть: „интересно, придет кто-нибудь, аль нет?“ И утром возле здания сельсовета и нардома образовались многочисленные группки гуляющих и наблюдающих. Пришлось всех соглядатаев принудить отправиться на поля посредством арестов, штрафов и т. п.

Такие меры, в данном случае пущенные в ход, соответствовали прямым указаниям Ленина по борьбе с „отлынивающими от работы“, которых онставил на одну доску с богатыми и жуликами.

„В одном месте посадят в тюрьму... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их по отбытии карцера желтыми билетами, чтоб весь народ до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добываются быстрого исправления исправимых элементов... („Великий почин“).

Мобилизация населения на уборку кукурузы в порядке трудовой повинности, об'явленная как раз в момент, когда хищнические аппетиты разгорались со всей силой, помогла вывести на „чистую воду“ антиколхозные, воровские замыслы. И потому так взбудоражилась станица, что уборка кукурузы, имевшая огромное хозяйственное значение, в политическом смысле раскалывала саботажный фронт.

Не хотелось верить, что всерьез придется, под строгим контролем, да еще в три дня закончить ломку кукурузы, с которой колхозы намеревались тянуть, по крайней мере, „до рождества“, а то и „до пасхи“.

А какие можно было бы за это время сделать запасы! — „птичка по зернышку клюет и сыта бывает“... Так некоторые и говорили, нахально ухмыляясь при чтении постановления стансо-

вета: „Охотников мало. Уберем, чего спешить, придет время — сама уберется ночным делом“. Зато для передовых, преданных советской власти элементов „кукурузная мобилизация“ как бы давала в руки новое острое оружие борьбы против лодырнической демагогии. В правлениях колхозов и комсодах составлялись списки, выуживались закоренелые паразиты, обросшие воровской коростой. Лучшие колхозные бригадиры радостно заискалились. Шутка ли сказать — всех заставить работать! Как мучительно и безрезультатно приходится нередко звать, требовать, до хрипоты уговаривать, а тут такое подкрепление из края!

— Вот здорово. Душа горит от злобы. Я ударница, так греюсь на работе, что спина мокрая, а у них, у всех и у единоличных, и таких, что колхозом прикрываются — спина сухая. И морды сытые. Да еще дразнят — „вдвое согнись, старуха, тогда лучше нашего жить будешь“ — горячо рассказывала колхозница Татьяна Захарова.

...Проходили часы, а праздный люд у стансовета забавлялся подсолнухом и с любопытством выжидал. Смехом и иронией встречались добровольно отправлявшиеся на работу. Нашелся даже любитель поагитировать: — „Работать не хотят. Разве не позор нам на черной доске? Граждане!...“ — Разгорячился было ехидный Василий Гуринов, как речь его была остановлена красноармейцем, предложившим Гуринову следовать за собой, так как во дворе „оратора“ только что обнаружили яму и бочку с зерном, тайники с кукурузой (всего более 100 пудов). Гуринов осталенел. Не без основания заволновались и другие, кое-кто уже собрался „понаведаться“ домой, но весь квартал оцеплен и милиционеры вежливо выстраивают гуляющих по четыре и направляют на поле. Одновременно начался обход по хатам и учет трудоспособных, не подчинившихся распоряжению власти, злостно уклонившихся от труда.

Кукурузная мобилизация всполошила и застигнутых на местах главных организаторов саботажа. В газете об'явлены первые списки вредителей, подлежащих высылке из станицы. У единоличников, ведущих паразитический, спекулянтский образ жизни, отказавшихся от работы на кукурузе, отбирается тягло и передается колхозам. Исключаются из колхозов первые 20 лодырей, ворсов, срывщиков боевой работы по спасению неубранной кукурузы на колхозных полях.

Заволновались вожаки, стали убегать из станицы, за Лабу. В глубокое подполье, зарывшись в стог сена в чужом дворе, как в звериную нору ушел один из первейших мастеров кулацких саботажных дел — подхорунжий Богатырев.

В первый день на ломке кукурузы работало 97 единоличников, из коих только 30 чел. явились добровольно. Но урок 8 ноября был учтен. Кроме того, еще больше была усиlena массовая работа и уже 9 ноября, без новых карательных мер, вышло добровольно, самостоятельно, на работу в ближайшие колхозы 194 единоличника, а в последующие дни по несколько сот.

Станица забурлила, переживая необычные дни. И колхозники, и единоличники начали осмысливать события. В этом им помогает массовая разъяснительная работа. Складываются определенные настроения все более широкой поддержки решения Крайкома, идет своеобразный процесс оформления этих настроений и расслоения станицы с точки зрения отношения к тем мерам, которые проводятся партией и советской властью. Но главное то, что острые и упорные борьбы за спасение кукурузы начали несколько оздоровлять темиргоевскую действительность.

Выходы колхозников на работу резко повысились. Вот данные по двум главным колхозам.

На работу явилось:	6	7	8	9 ноября
„Молот“	213 чел.	261 чел.	294 чел.	376 чел.
им. Ленина	239 „	246 „	351 „	378 „

Причем преобладающее большинство колхозников работает, вопреки прежним временам, непосредственно в поле.

Если 5 ноября в колхозах им. Ленина и „Молот“ на кукурузе работало 209 чел., то 9 числа уже 500; одновременно выросла и производительность труда. 5 ноября каждые 100 чел. обламывали 15 га, а 9-го — 28 га. Выработка почти удвоилась.

К 13-му ноября вся кукуруза была убрана; параллельно с ломкой и на элеватор потянулись, после долгого застоя, подводы с зерном, — вверх поднялся процент заготовок.

Завоюем право остаться на кубанском черноземе.

Пользуясь тем, что удалось добиться явки значительной части населения на полевые работы и в целях закрепления производ-

В день занесения на черную доску застава на мосту за проверкой проезжающих подвод.

ственного настроения колхозников и наиболее добросовестных элементов единоличников для разгрома саботажа, бригада Крайкома, совместно с станпарткомом ВКП(б) и стансоветом экстренно выпускает 9 ноября специальную листовку „Завоюем право оставаться на кубанском черноземе“. Ко всем колхозникам, ко всем трудающимся единоличникам станицы Темиргоевской.

Листовка не обходит острых вопросов и откровенно, в упор ставит вопрос:

„...Кто виноват в том, что пустует посевная площадь? Кто виноват в том, что наш лучший в мире кубанский чернозем, которым по-хозяйски надо дорожить, который надо беречь, как зеницу ока, запущен?

Сами вы виноваты, товарищи темиргоевцы-колхозники и трудающиеся единоличники! Сами вы заслужили от советской власти этот горький упрек. А виноваты тем, что многие из вас поддались враждебной кулацкой провокации, забросили работу, предпочли лодырничество, воровство общественного добра, спекуляцию — вместо честного, добросовестного колхозного труда.

Подумайте о своем завтрашнем дне!

Подумайте, куда ведет кулацкий саботаж осеннего сева!

Наши лютые враги — кулацкие, контрреволюционные, антиобщественные элементы, конечно безмерно рады тому, что им удалось сорвать, затянуть осенний сев в Темиргёевке.

Но напрасно радуются враги народа — паразиты, лентяи, воры. Рабоче-крестьянская советская власть уже применяет к ним суровые меры.

Не позволит наше правительство жить на урожайной кубанской земле людям, не желающим по-настоящему упорно трудиться на этой золотой земле, людям, которые не дорожат своим колхозом, своим артельным производством, общественной, социалистической собственностью. Не позволит ни за что! Так пусть и зарубят у себя на носу все осколки кулачества, его ставленники, приспешники и шептуны всякого рода.

„Кто не работает, тот пусты и не ест“.

Эту социалистическую заповедь коммунистическая партия и советская власть будут проводить до конца, при поддержке широких колхозных

Демонстрация детей-школьников против саботажа.

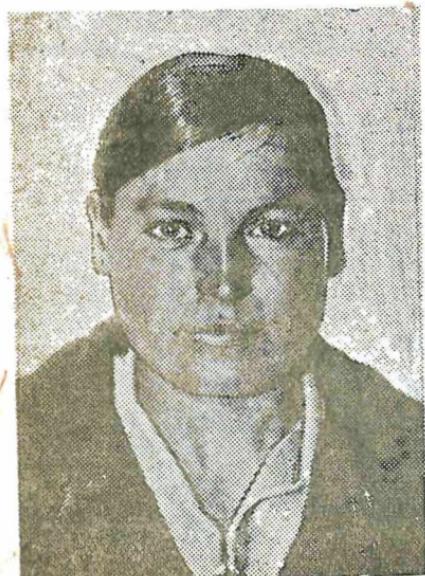
масс. Наиболее активные, преданные колхозники Темиргоевки это понимают и ведут борьбу за ликвидацию прорыва в севе, за успех сельхозкампаний, за снятие Темиргоевки с черной доски.

Враги и несознательные элементы говорят: "нет семян, нечем сеять". Неверно это. Если мы захотим—мы сумеем изыскать у себя семена и не оставить землю пустой и бесплодной".

Листовка заканчивается призывом:

"Товарищи темиргоевцы! Очистимся от врагов. Ликвидируем кулацкий саботаж в севе и хлебозаготовках! Укрепим свои колхозы! Смоем позор с нашей станицы!"

Эта листовка произвела огромное впечатление. Она была про-работана во всех бригадах, по кварталам, на специальных митингах, на полях, в школах, на дому. Ее брали на расхват, толпами приходили в помещение редакции. Всех взволновала перспектива быть выброшенными с кубанской земли, если не прекратится саботаж хлебозаготовок и сева. Почувствовали, что нельзя шутить с землей, отвоевание которой у помещиков и у царя стоило столько крови. Поняли, что советская власть не позволит сидеть на Кубани тунеядцам. Поняли и не сомневались в том, что эта угроза будет приведена в исполнение, поскольку уже накануне было вынесено первое постановление стансовета о группе лиц (до 60 чел.), подлежащих выселению из станицы, и поскольку сила революционного закона пролетарской диктатуры уже обрушилась на голову контрреволюционных элементов—организаторов кулацкого саботажа.

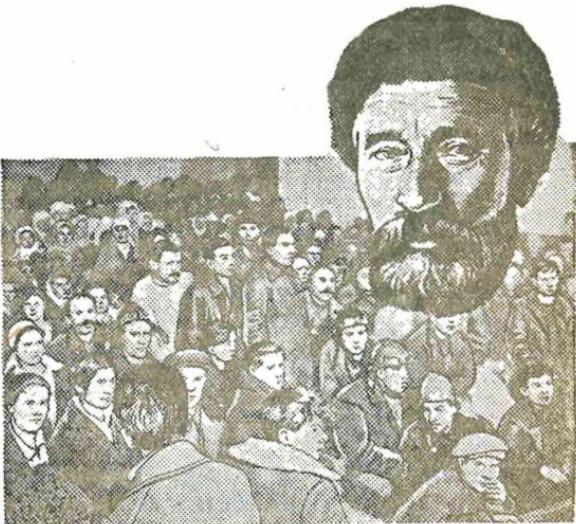
Ст. Темиргоевская. Сердюкова Евд.
премированная уд-ца. Лучший брига-
дир по ликвидации прорыва в уборке
кукурузы.

Массовая политическая работа, сочетание принуждения с убеждением.

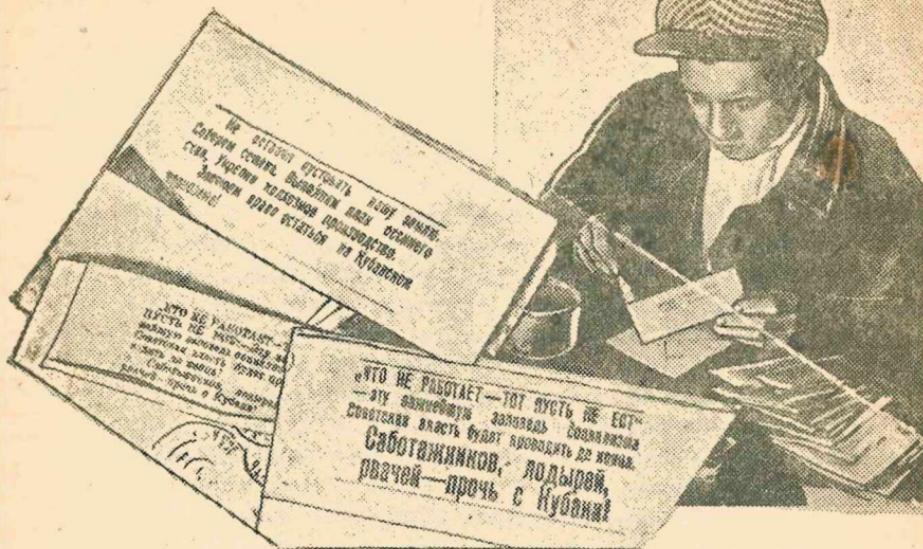
В массовой работе был взят курс на поголовный охват различными способами всех слоев населения. Пленум сельсовета, совместно со станичным активом, партийные и комсомольские собрания, собрания по колхозным бригадам, собрания по кварталам единоличников, налаживание боевой оперативной работы комсодов, обход школьниками всех квартир и читка вслух решения Крайкома и речи тов. Шеболдаева, собрание женщин красных партизан, собрания колхозного актива (не по формальному признаку, а по персональному отбору), летучие митинги на полях, слеты ударников, собрания переселенцев из Ставрополья, демонстрация учащихся, вечера вопросов и ответов, специальное разъяснение среди молодежи и детей, лозунги и плакаты, наклейки на письмах, световые надписи в кино — таковы многообразные формы массовой работы, которые были немедленно же развернуты широким фронтом.

Народный дом ежевечерно „брался с боем“. Все собрания отличались небывалой доселе в станице многолюдностью. Надо особо подчеркнуть, что и репрессивные меры, применявшиеся против кулацких элементов и их приспешников, широко использовались в массовой работе.

И, наоборот, для массовой политической работы были мобилизованы все подходящие для этого силы. Вчера работник милиции заставлял единоличника, под угрозой ареста, выходить на работу, сегодня этот же работник на митинге единоличников

Общестаничный посевной митинг. В углу выступавший колхозник — ударник „Молота“ т. Чечотин.

На почте ст. Темиргоеевской. По инициативе выездной редакции газ. „Молот“, „Колхозная правда“ и „Знамя коммуны“ на все письма наклеивают печатные лозунги, призывающие на борьбу за выполнение сева, хлебосдачи и слома кулацкого саботажа.

работающих в поле, разъяснял листовку, выступал как политический агитатор.

Принуждение и убеждение шли рука об руку; более того, они органически переплетались. Именно так с самого начала был разработан план по оздоровлению станицы.

„Мы были бы смешными утопистами, — говорил Ленин, — если бы воображали себе, что подобная задача (строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся. Авторы) осуществима... без принуждения. Без принуждения такая задача совершенно невыполнима“.

Ленин ставил этот вопрос ребром, с предельной ясностью и резкостью.

„Диктатура пролетариата не боится принуждения и резкого, решительного, беспощадного выражения государственного принуждения, ибо передовой класс, более всего угнетавшийся капитализмом, имеет право осуществлять это принуждение, ибо он осуществляет его во имя интересов всех трудящихся и эксплуатируемых и обладает такими средствами принуждения и убеждения, которыми не располагал ни один из прежних классов, хотя у них и была несравненно большая материальная возможность пропаганды и агитации, нежели у нас“ (доклад на VIII съезде Советов, 22-XII—1920 года).

Сочетание методов принуждения с убеждением явилось характернейшей особенностью жизни станицы за эти дни. И это дало, между прочим, возможность поймать врага врасплох, в

разгаре его саботажных происков. Если никогда еще станица не видела в таком об'еме репрессий против классовых врагов, подрывающих колхозы, то в равной мере никогда еще здесь не была так широко поставлена массовая разъяснительная и организующая работа на службу, прежде всего, планам сева и хлебозаготовок.

Нельзя было ограничиваться голой агитацией при проработке решений Крайкома и намеченных в них мероприятий. Необходимо было немедленно проводить их в жизнь и, разъясняя эти конкретные шаги, выяснить сущность и значение решений краевых руководящих организаций. Агитация, перерастающая в практическую работу; практическая работа, сопровождаемая разъяснительной, репрессии против классово-враждебных элементов и организующая, воспитательная работа среди масс—такова особенность борьбы в Темиргоевской.

И в самом деле: может ли быть что-нибудь лучше такого разъяснения политического значения решения Крайкома, как немедленный арест тех злостных элементов, агентов кулачества, которые были организаторами саботажа сева и хлебозаготовок, или исключения из колхозов неисправимых лодырей, паразитов?

Показать решение Крайкома в действии, показать, как наносится беспощадный удар классовому врагу и об'яснить все это массам—таков лучший путь разъяснительной работы в той обстановке, которая создалась в ст. Темиргоевской.

Разве может быть лучшее разъяснение значения решения Крайкома и тех обязательств, которые возлагает оно на местную

Собрание единоличников по вопросу выполнения плана хлебозаготовок и сева.

Колхозники и единоличники на вечере вопросов и ответов, организованном газетой
„Сломим кулачкий сабораж“.

парторганизацию, как, например, посылка всех членов этой организации, во главе всего станичного актива — вслед за обсуждением директив Крайкома, немедленно на выявление и изъятие антисоветского и контрреволюционного элемента, на розыски похищенного и скрытого зерна? Такое разъяснение на практике оказывается наиболее понятным и оно способствует тому, что в процессе самой работы воспитывается и закаляется парторганизация, учится на деле; на практических шагах в борьбе за линию партии вырастают новые слои колхозного актива.

В результате подобных мер, в станице начали сколачиваться кадры лучших, преданных колхозному производству активистов, горячо поддерживающих не только словом, но и делом, проводимые меры против саботажа, организованного кулачеством.

Подкулачников, воров, врагов народа стали называть по именам.

В стансовет, парткомитет, в редакцию группами и в одиночку все чаще и чаще стали заходить за советами, разъяснениями, с вопросами, „задушевными“ разговорами и, наконец, среди самой массы колхозников, нередки стали такие разговоры:

„Правильно. Так работать нельзя. Выдворить кулачье. Довольно держать его под полой, под своим зонтиком“ (единоличник Сероштанов).

„Нужно сейчас же разыскать всех тех, которые воровали хлеб, посадить их и просить правительство немедленно выслать из станицы, чтобы они не мешали другим работать и не позорили всей станицы“.

Другие к этому добавляли: „просим партию, чтобы обеспечила в дальнейшем правильное руководство в колхозе, чтобы была закреплена земля за бригадами, чтобы бригада целиком отвечала за состояние отведенного ей участка земли“.

Лучшие элементы, не скрывая радости, прямо выступали: «Наконец-то добрались. У нас в станице—делов много... сообща надо помочь очистить колхозы от тех, что не сеют, не жнут, а больше всех жрут»...

Так в представлении самих колхозников, начавших разоблачать злостных тунеядцев,— борьба за хлеб и сев, естественно, стала неотъемлемой, составной частью организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Резкий перелом наступил в настроении бывших красных партизан. Надо сказать, что с ними никакой работы в станице не велось. Они чувствовали себя в одиночестве, в первых разговорах; ссылались на то, что не понимают сейчас мероприятий партии и советской власти. После разъяснения они приняли активное участие в проведении этих мероприятий и 9 ноября на специальном собрании трое заявили о своем вступлении в партию и двое — в колхоз (остальные колхозники).

Роль комсодов в борьбе с саботажем.

Особенно важную роль сыграли комсоды. Их работа была взята под особое наблюдение и руководство. К каждому прикрепили по два товарища (один — приезжий, другой — местный). Закипела горячая работа; комсоды превратились в штабы мобилизации единоличника на хлеб, сев, ломку кукурузы, очистку полей. Больше того, на этой конкретной работе стал сколачиваться вокруг комсодов актив, который принимает участие в дальнейшей работе среди единоличников. Комсоды завоевали авторитет, превратившись в одну из важнейших форм мобилизации активности масс и, в частности, выделения и организации наиболее здоровых элементов и среди единоличников.

Комсод 2-го квартала за работой совместно с общественниками-педагогами.

Комсоды формально существовали и раньше, но их „работа“ не столько помогала, сколько мешала хлебозаготовкам, усугубляла и без того тяжелую обстановку в кварталах единоличников. Пришлось прежде всего повести борьбу с кулацкими саботажниками, засевшими в самих комсодах, очищать их от людей, упорно невыполняющих государственных заданий и этим разлагающих население.—„Если комсодчику можно, то мне и сам бог велел“...

Формы сопротивления были самые различные. В комсад — никого не дозволишься; один за другим идут посыльные, но дома не оказывается хозяина — „уехал“... На самом деле, избегавшие явки в комсад единоличники, собирались группами, переходили от соседа к соседу, а иногда не брезгали и таким средством: вешали снаружи на двери хаты замок. Когда таких замков оказалось немало и когда они подозрительно долго висели при явных „признаках жизни“ внутри домов,— комсоды без всякой церемонии срывали замки и заставали в полном сбое и хозяина, и его семью, и его соседей.

Упали с дверей замки, кончилось и молчаливое отсиживание. Ибо неугомонные комсодчики теперь перестали бесконечно посыпать посыльных для „вызыва“, а приходили сами, приходили не упрашивать, а требовать, наряду с разъяснением, читкой газет, выуживать наворованный и спрятанный хлеб.

Комсоды заинтересовались, как и чем живут семьи забросившие землю, отказавшиеся от сева. Зашла бригада 1-го комсада, к Ивану Грицаеву.

— Чем кормишься, коли ни одного вершка посева не имеешь?

— Сам не знаю, чем питаюсь, живу вот, не жалуюсь...

Грицаев решил подкупом отвертеться от навязчивых колхозных парней и поставил на стол угождение—водку.

— Нет, папаша, вы не водкой, а хлебом нас „угостите“!

Грицаев нервничал, а комсодчики начали выволакивать из чулана и других тайных хранилищ мешки с зерном. Грицаев ретировался из станицы, за ним последовали и другие.

Но зато чаще стали приходить в комсад наиболее добросовестные единоличники и выдавать заядлых воров, указывать на их „амбары“. На специальных собраниях комсоды старались активизировать выполнивших свои задания единоличников, склончивать из них свой актив; последние все смелее тормошили отстающих, крушили упорствующих. Как только развернулась кампания по сбору семян (в середине ноября), группа единоличников (Багоков, Иванова, Костыков, Шеховская, Коваленко и др.) одними из первых внесли семенную пшеницу. 14 ноября, когда зачитывалась и обсуждалась на квартальных собраниях речь т. Шеболдаева о Кубани—уже явно ощущались результаты организованной работы комсодов среди единоличников.

Во втором квартале 63 единоличницы тут же на собрании организовали женские бригады по самопроверке выполнения кварталом хлебозаготовок.

Актив 4 квартала избрал 5 самопроверочных бригад, которым дано задание—так организовать работу, чтобы план хлебозаготовок был выполнен в ближайшие 2—3 дня.

Развернулось соревнование комсодов. 4 квартал сдержал свое слово и первым в единоличном секторе выполнил план заготовки хлеба и подсолнуха. Часть комсодного актива и прикрепленных 4 квартала переброшена в порядке буксира в другие кварталы.

Комсоды зорко соблюдали правила борьбы с отлынивающими от работы. Административные, судебные меры в дальнейшем проводились по предоставлению комсодов. Так было и после мобилизаций на кукурузу, очистку полей от сорняков, уборку подсолнуха; так было и после предъявления ультиматума единоличному населению второго квартала.

Решительность и активность комсодов расслоила единоличников; камень за камнем вываливался из саботажной стены. Расслоение вносилось и в отдельные семьи, чему помогала политическо-разъяснительная работа среди детей в школах. Ряд ям с хлебом был вскрыт по указаниям школьников, не щадивших своих родителей—саботажников. Активное участие в работе комсодов (особенно втором) приняли общественники-учителя.

Кулацкий агент, пробравшийся в комсод — Алексей Лавриненко даже не стерпел работы молодежи.

— Все вы шпики,—злобно шипел Лавриненко, которому не удалось долго удержать свое кулацкое рыло под личиной советского активиста.

В комсодах горячо кипела воспитательная работа, не только массовая, но и индивидуальная агитация. Именно в результате этого стали возможны такие факты, когда некоторые единоличники (Королева, Суплатов, Посаженная, Борзова) добровольно вскрыли свои ямы со спрятанным зерном. Комсод 2 квартала оставил Королевой, осознавшей свое преступление перед государством—муку, спрятанную в ямах вместе с зерном.

Впервые в комсодах начали оформляться настроения ряда единоличных хозяйств в пользу вступления в колхоз; поняли, что единственный и наиболее выгодный путь к честной трудовой жизни лежит через артельное хозяйство. И открыто об этом заговорили в одиночку и группами (3 квартал) на специально созданном при помощи комсодов общестаничном собрании единоличников, добросовестно выполняющих государственные задания. Больше 100 заявлений поступило в комсоды за ноябрь месяц.

Отдельные работники комсодов показывали настоящие образцы самоотверженной борьбы. Вот руководитель первого комсода Алексей Далматов открыл больше двух десятков ям с похищенным хлебом, сам разоблачил родного тестя, скрывшего зерно; своей энергией и горячей преданностью делу социализма Далматов заражал возглавлявшуюся им бригаду по хлебозаготовкам, во время работы темиргоевского актива и в других станицах района.

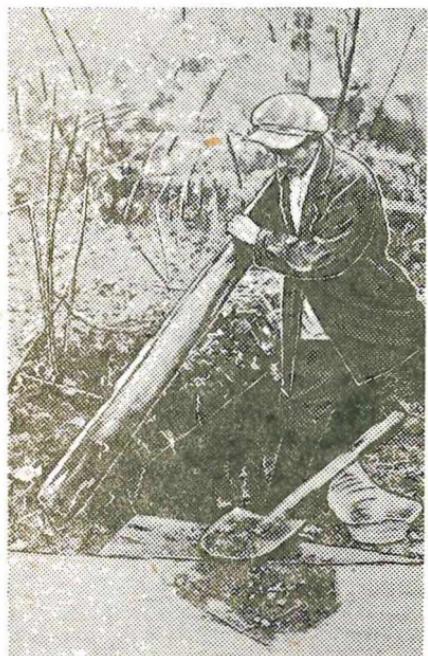
Придав комсодам политическое значение, укрепив их лучшими силами из передовых колхозников, местных коммунистов и комсомольцев, приезжих работников — бригада Крайкома добилась серьезных результатов по выявлению и разгрому кулацких гнезд в единоличном секторе.

Первые шаги по оздоровлению парторганизации.

Первые же шаги по ликвидации саботажа натолкнулись на оппортунистическую растерянность и бесхарактерность значительной части парторганизации, на невероятную косность, полный застой во внутрипартийной жизни, низкий политический уровень членов и кандидатов партии и полное непонимание ими новых маневров врага, неумение „раскусить“ особенности и смысл классовой борьбы на нынешнем этапе. Коммунисты оказались идеино невооруженными, чтобы повести за собой массы, как это подобает авангарду рабочего класса.

В рядах организации были обнаружены и разложившиеся элементы, и неприкрытые изменники, сопротивлявшиеся политике партии, встречавшие в штыки ее задания.

Дисциплина расшатана до последней степени: каждый безнаказанно поступал как вздумается. Излюбленным стилем в работе многих коммунистов — руководящих работников — была тошнотворная, паскудная аллилуицина и „дача установок“. Никакой проверки, никакого контроля.

Пред. комсода № 1 — активист Далматов (обнаруживший много ям) за отрытием ямы во дворе Серобабиной, неоднократно воровавшей и прятавшей хлеб, з сына которой сбивали. В яме обнаружена чистосортная семенная пшеница.

— Сделано?

— Да, установку дал..

Сразу же, 8го ноября, пришлось на специальном экстренном заседании стапарткома, не ожидая комиссии по чистке, принять специальные меры против самых опасных врагов—врагов с партбилетами, кулацких плакальщиков, перерожденцев, людей, которые дрейфят на каждом шагу, у которых поджилки трясутся перед любой трудностью.

За сопротивление хлебозаготовкам и севу, за поддержку саботажа, организованного кулацким контрреволюционным элементом в станице Темиргоевской, стапартком, при участии бригады Крайкома, постановил исключить из партии Казакова — предколхоза имени Ленина; Ефимова — секретаря ячейки ВКП(б) колхоза им. Ленина, ставших прямыми проводниками кулацкого саботажа.

За несовместимую со званием членов партии пассивность и примиренчество к саботажникам, за бездействие в выполнении текущих сельхозкампаний, за снисходительное отношение к кулацким элементам, пробравшимся в колхозы, к лодырям, к хищением общественной собственности, разбазариванию урожая — постановлено также исключить из партии:

Болучевского—зав ШКМ, прикрепленного ко второй бригаде колхоза им. Ленина; Заболоцкого (артель „Красный партизан“), прикрепленного к 4-й бригаде колхоза им. Ленина; Ширина — прикрепленного к шестой бригаде колхоза „Молот“, ранее уже исключавшегося из партии за саботаж и пьянку; Кушнарева, зав. мельницей, прикрепленного к 4 кварталу для работы среди единоличников.

Постановление было встречено одобрительно не только в партийных, но и беспартийных колхозных массах, почувствовавших во всей перегруппировке и отборе сил, новый, боевой тон у своей парторганизации. В итоге этих мер, а затем и чистки всех ячеек, проведенной комиссией после постановления ЦК партии о чистке на Северном Кавказе, началось оздоровление станичной парторганизации, укрепление дисциплины, идейное сплочение ее рядов. Но это только начало!

Сдвиги борьбы за хлеб в колхозах.

Во весь голос заговорил актив.

Успешное завершение уборки кукурузы, перегруппировка местных сил, мобилизация актива, укрепление дисциплины мерами оперативного руководства, репрессии против врагов народа плюс политическая работа в массах, конкретное руководство всей работой с проникновением во все ее детали, „мелочи“ — дал сдвиг в ходе хлебозаготовок по колхозам в самый быстрый срок (с 32% к началу ноября, до 85% к 13 ноября).

За вторую пятидневку ноября было заготовлено хлеба на 350% больше, чем за первую пятидневку.

Вместе с тем, сильнее начал биться пульс всей колхозной жизни, активизировались и осмелели передовики, настоящие

производственники, которые раньше, при засилье кулацких ставленников, под страхом быть выброшенными из колхоза, не смели громко голоса поднять. Их настроения, их чувства лучше всего отражают приводимые ниже беседы с рядом бригадиров (от 12-го ноября).

Катилевский Г. Я.
бригадир бригады № 5 колхоза „Молот“.

„Для меня, для бригадира, решение Крайкома партии насчет Темиргоевки оказалось большим делом, прямым подспорьем, облегчением в работе. Совсем переменился народ у меня в бригаде после проработки решения. То бывало так: встанешь утром, глянешь — на работу пришло несколько активных товарищей. Отдашь им распоряжение, а сам идешь по дворам остальных членов бригады вытаскивать. Толкуешь, толкуешь с ними. Иной идет на работу так, будто тебе милость оказывает, а не на себя работает.

Почему так было? Во-первых, потому, что табельщиком у меня в бригаде оказался пролезший в колхоз бывший помощник станичного атамана Кузьма Земляков. Этот враждебный нашему колхозному строительству человек чем занимался? Пьянствовал изо дня в день. На поле бывал в неделю раз. Недоищешься его, не дозовешься. В трудовые книжки колхозникам записывает через пятое на десятое. Выработку берет на глазок, раскидывает поровну, лодырей смешивает с ударниками, — всех чешет под одну гребенку. От этого падает заинтересованность колхозника, он озлобляется. А сам я не очень грамотный, не слажу с учетом. Прошу правление: Уберите от меня этого вредителя, дайте хоть какого-нибудь парнишку вместо него.

„Негде грамотных людей взять“.

Ну и шло — вали кулем, после разберем! Лодыри взяли силы. Опять я в правление.

Давайте выкинем из бригады лодыря-разлагателя Афанасенко. Правление не принимает мер. Упала трудовая дисциплина, запаршивели кони, отстали мы с уборкой, захрясли на севе. План 248 га, а засеял я 84. Нет семян. А как приехала бригада Крайкома, начала помогать нам, разъяснила, как мы засыпались перед лицом всего края. Стали мы вытряхивать из наших рядов лодырей, саботажников, вредителей. Сразу пошло дело. Я уже собрал в бригаде 7 центнеров семян, начал сеять. Выходы на работу стали, что надо. Сами идут рано утром на все сто. Кто говорил: „я больной“, теперь говорит: „выздоровел“. Теперь мне легче руководить бригадой. Теперь мы укрепим наш колхоз, благодаря помощи Крайкома партии“.

Пронин Е. С.
бригадир 1-й бригады колхоза им. Ленина.

„Летом пришлось мне пойти на терсбор. Кинулось правление — некем заменить. Поставило временную замену мне — Лес-

ничего, не разобравшись хорошо, что он за человек. А он оказался вредителем-кулаком. Вернулся я из терсбора в начале августа, глянул и не узнал мою бригаду. Из 23 лошадей осталось только 8, остальные подожги. Дисциплина пала.

Наверху оказались лодыри, тунеядцы, которые не любят работу, а только кричат, бузят. На работу не вытащишь и половины бригады. Форменное разложение. Сам Лесничий видит, что ловко сделал свое преступное дело, бежал из станицы. Затянули мы уборку, думали уж, что кукурузу до снегов не уберем. А тут ее тянут, расхищают со всех сторон.

После проработки решения Крайкома ВКП(б) от 4 ноября дело пошло по-другому. Лодырей мы выгнали из бригады и из колхоза. Моя бригада очистилась пока только от двух человек — Архипова Андрея и Архиповой Ксении — подкулачной семьи. Выход на работу достигает 90—95%. Кукурузу живо убрали. Сеем по мере мобилизации семян внутри бригады. Настроение в бригаде хорошее.

Сначала перепугались: „Ну, теперь распустят колхоз, постратят правые и виноватые“. Но теперь мы видим, что партия и советская власть наказывают только тех, кого следует. Это мы поддерживаем и обещаем работать дружно, добросовестно. Выполним задание по хлебозаготовкам и севу.

Стансовет отобрал у единоличников, которые ничего не сеяли, а только воровали, 14 лошадей для моей бригады.

Сила, которую вымотали кулаки из моей бригады, возвращается, а дух кулацкого влияния выветривается, благодаря массовой работе“.

Быковский Я. Д.

бригадир 1-й бригады колхоза „Молот“.

„Моя бригада имела посев: 100 га кукурузы, 93 га подсолнуха, 45 га клещевины, 86 га озимой пшеницы.

Людей в бригаде — 47 чел. трудоспособных. Коней весной было 25, в уборку — 20, пять лошадей пало — частью от страсти, а частью, прямо сказать, от плохого ухода. Не имели мы твердого закрепления коня.

Но главная беда была в слабой дисциплине и еще — воры были в бригаде, например: Слюньков В. и Лыков. Они во время перевозки кукурузы прятали мешки в воза с соломой.

В бригаде было недовольство — урожай уходит на буй-ветер, а тем, кто трудится, гляди, самые корешки останутся.

А как начали выуживать воров, жуликов, саботажников, очистились от Слюньковых, Лыковых, ровнее, тверже пошла работа. Получили мы от Крайкома партии полное разъяснение, как надо работать, чтобы выполнить обязательство перед государством, строить свою социалистическую жизнь. Взялись мы и выполнили наш план хлебовывоза на сто процентов“.

Корнев А. Д.
бригадир бригады № 1 коммуны „Мопр“.

„Бьется лучшая часть нашей коммуны за выполнение планов, работает иной раз прямо доотказа. А плоды работы — урожай с наших полей расхищается паразитами, бездельниками. До чего дошло! Никакая охрана не смогла уберечь урожая от нашествия единоличной спекулянтской саранчи. Как ночь, так они прут на наши посевы, даже с оружием в руках. Конечно, и в коммуну стал проникать воровской дух.“

Иные стали поговаривать: зачем работать, коли вон люди не работают, а едят себе хлеб такой же, как и мы. Некоторые начали симулировать, отлынивать от работы, лишь бы всеми правдами и неправдами добиться талона в столовую.

Половину плана осеннего не выполнили — сев прекратили за отсутствием семян. Приуныли даже мои лучшие ударники — Петр Поздняков, Павел Литвинов, Михаил Панин.

А как приехала бригада Крайкома партии, начала нам день за днем разъяснять, как мы живем, как должны жить. Вышвырнули мы бездельников, подкулачников, взялись за сбор семян. Теперь моя бригада и вся коммуна при поддержке станичных организаций полностью обеспечена семенами. Сев идет ударными темпами“.

Волков В. К.

бригадир 3-й бригады колхоза „Трудовой садовод“.

„Мы обсуждали на совещании бригады решение Крайкома партии о борьбе с кулацким саботажем (бойкот нашей станицы, прекращение всякой торговли, досрочное взыскание кредитов). Очень жестко, но мы считаем вполне правильно. Такой жесткий взгляд на кулачество сразу просеял у нас людей, как через сито. Воров, лодырей поубавилось. Выход на работу увеличился, быстро закончили уборку всех культур. Но многое у нас еще идет не по-хозяйски. Бригады у нас не имеют своих определенных участков, путаются друг с другом. Не разберешь, кто за какую работу отвечает, тягло, инвентарь ходят из рук в руки.“

Теперь, когда товарищи из края разъяснили нам, как надо на практике строить бригаду, чтобы она была действительно производственной, мы начинаем перестраиваться и колхозник судит о деле заинтересованно, по-хозяйски. Теперь чаще будем сообща, всей бригадой, обсуждать свою работу. Закрепляем участки, закрепляем инвентарь. Конец приходит расхлябанности, которая была наручу кулакам и их подпевалам“.

12го ноября состоялось общестаничное совещание членов правлений и бригадиров всех колхозов. На этом совещании были подведены первые итоги борьбы с кулацким саботажем, за укрепление колхозов. По инициативе самого колхозного актива было принято и послано Крайкому партии открытое письмо:

„Собрание правлений и бригадиров всех колхозов станицы Темиргоевской, собравшееся для обсуждения текущих сельско-

хозяйственных кампаний и вопросов организационно-хозяйственного укрепления колхозов, приветствует Крайком партии и полностью одобряет его мероприятия по укреплению колхозов Кубани.

Наша станица покрыла себя позором и она справедливо занесена на черную доску. Тяжело признавать, но это факт, что руководящий актив темиргоевских колхозов не додглядел кулацкого засилья, не сумел разоблачить и сокрушить кулацких саботажников, всеми мерами добивавшихся развала колхозного производства, подрыва социалистического строительства на селе.

Мы целиком признаем свою вину в том, что значительная часть нашего урожая оказалась расхищенной, разбазаренной, что саботажникам, лодырям, ворам удалось, при нашем попустительстве, долго и безнаказанно срывать выполнение государственных заданий по хлебу и севу.

Только благодаря решительным большевистским мероприятиям партийных и советских органов, благодаря прямой помощи Крайкома, в наших колхозах за последние дни наметился некоторый перелом. Мобилизацией всех сил, ударной работой мы сегодня закончили уборку кукурузы, усилили вывоз зерна, и годовой план выполнили на 85 проц., а из четырех колхозов два („Трудовой садовод“, коммуна им. МОПР‘а) свои планы выполнили полностью. В ближайшие дни мы обеспечим стопроцентное выполнение хлебозаготовок по всем колхозам.

Но этого мало. Не ликвидирован прорыв в севе. И в эту сторону, главным образом, направлены наши заботы. Сейчас мы проводим сбор семян у колхозников в порядке займа и приложим все усилия, чтобы добиться успеха, покончить с отставанием.

Мы обещаем Крайкому партии укрепить колхозы, а внутри них—производственные бригады и сделать невозможным повторение того позора, того стыда, который испытываем мы перед всеми рабочими и передовыми колхозниками Северного Кавказа за то, что мы, хозяева колхоза, отнеслись так безразлично и слепо к разлагательской деятельности кулацких, контрреволюционных, антиобщественных элементов.

Мы разоблачим врагов колхозов, в какую бы они шкуру не рядились—всех до одного. Мы завоюем добросовестным трудом право остаться на кубанском черноземе, повысить урожай и навсегда покончить с запущенностью и засоренностью полей.

Мы мобилизуем широкие колхозные массы вокруг ленинского социалистического лозунга: кто не работает, тот пусть не ест“, и на практике обязуемся проводить в жизнь этот лозунг против всякого рода жуликов и любителей пожить за артельный счет.

Зорко будем охранять общественную собственность—основу колхозного производства, основу советского строя.

Довольно церемониться с врагами народа! Кулацких пособников-паразитов, воров, спекулянтов, саботажников—прочь с Кубани!

Мы призываем всех честных бедняков и середняков-единоличников нашей станицы встать на колхозный путь, крепить вместе с нами обобществленное социалистическое хозяйство на плодороднейшей, лучшей в мире, кубанской земле.

Да здравствует несокрушимая крепость советской власти! Да здравствует Коммунистическая партия большевиков и ее вождь—тov. Stalin!

Да здравствует Северокавказский краевой комитет партии, во главе с тов. Шеболдаевым!

Подпсалось 52 участника совещания—члены правлений и бригадиры сельхозартелей: „Молот“, им. Ленина, „Трудовой садовод“ и коммуны „МОПР“.

Письмо обсуждалось на следующий день на массовых собраниях в колхозах и среди единоличников; к письму присоединилась основная масса жителей станицы.

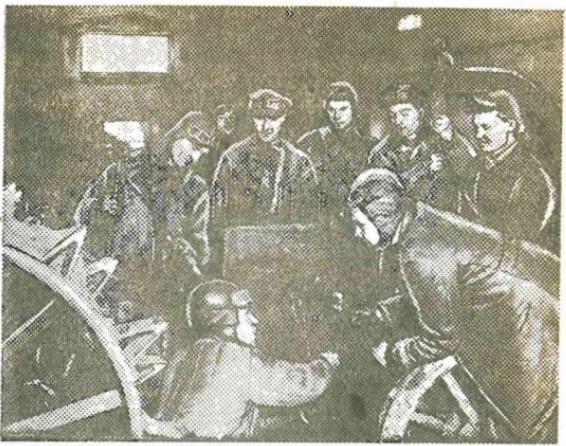
Письмо открыто выразило чувство, таившееся у некоторых трудящихся единоличников. Стали от них поступать заявления с просьбой о принятии в колхозы. Этот момент также был использован для усиления борьбы за хлеб, для действенной проверки искренности поданных заявлений.

Сбор семян, сев, очистка полей.

Но одновременно с хлебозаготовками надо было двинуть сев, используя те считанные деньги, которые природа еще для этого дарила. Сев в Темиргоевской, не успев по-настоящему развернуться, был по существу прекращен еще в середине октября, некоторые колхозы бросили где попало сельхозорудия, сняли с поля посевные бригады до „следующей весны“. Около 4 тыс. га чудесного чернозема осталось под бурьянами. Такое позорище обясняли отсутствием семян, но главное, конечно, в том, что классовый враг организацией саботажа сева норовил оставить колхозы без посевной площади и, стало быть, дискредитировать и развалить их.

И вот, под лозунгом „колхоз без семян и посева—не колхоз“, начался поход за семенами, за пахотой и севом. Ряд передовых колхозников пятой бригады колхоза „Молот“, „Трудовой садовод“ (Яцинов, Чуприн, Акимучкин и друг.) первыми внесли в порядок социалистического займа пшеницу на обсеменение полей и вызвали других. Семенной заем пошел в ход. Собирали по бригадам, подписывались тут-же на собраниях. Возобновление посевных работ сразу обнаружило недостатки производственных колхозных бригад, до которых даже не был доведен план сева, и безобразную работу Темиргоевской МТС, до последних дней оставшейся в стороне от борьбы с кулацким саботажем.

Несмотря на крупнейшую организационно-хозяйственную роль и влияние МТС в деле технического перевооружения и социалистического переустройства сельского хозяйства, их политическое влияние на широкие массы колхозников пока еще совершенно

Ремонт тракторов „Нейс“ бригадой Автодора (рабочие с Сельмаша, „Кр. Аисая“ и др. предприятий) в мастерских Темиргоевской МТС.

недостаточно. МТС зачастую не имеют политического лица. Внутри МТС сплошь и рядом процветают преступно-небрежное отношение к заданиям партии и правительства, преступное отношение к государственному имуществу, воровство и расхищение колхозного имущества и государственной собственности. Классово-враждебные элементы нередко проникают в сами МТС, ведя изнутри работу по усилению антисоветского влияния на колхозников.

Эта характеристика, из решения январского об'единенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), попадает „не в бровь, а в глаз“ Темиргоевской МТС.

Руководство МТС, не понимая своей политическо-организаторской роли, замкнулось в скорлупе „прокатного пункта“, связываясь с колхозами лишь по статистическим, расчетным и изредка плановым вопросам. Но по линии производства МТС хромала на обе ноги. Прежде всего, чудовищный простой тракторов. За один октябрь более 28 тыс. тракторо-часов простоя. Прогулов рулевых—976 часов, текучесть среди трактористов 50—60%. Перерасход горючего в два-три раза выше нормы. Среди командного состава МТС процветает обезличка, усугубляемая извращениями единоначалия. Заведующие участками совершенно бесправны, не знают своего хозяйства, не знают, где находятся тракторы. Директор распоряжается на участках через голову завучастками, что еще больше дезорганизует производство.

Работа темиргоевской МТС (директор — Глуховский) совершенно неудовлетворительна. Организация политического отдела и более серьезное внимание парторганизации к МТС должно исправить положение.

„Первоочередной задачей политических отделов МТС является обеспечение безусловного и своевременного выполнения колхозами и колхозниками своих обязательств перед государством и в особенности решительная борьба с расхищением колхозного

добра, борьба с явлениями саботажа мероприятий партии и правительства в области хлебозаготовок и мясозаготовок в колхозах". (Из решения пленума ЦК и ЦКК).

Одной из важных причин прорыва в севе является кулацкое вредительское обращение с тяглом. Как правило, несмотря на вполне нормальную нагрузку на единицу тягла, ежедневные нормы не выполняются. Например, на участке колхоза "Молот", 8 лошадей впряжены в сеялку, а дело почти не двигалось, антиколхозная работа была прямо направлена на то, чтобы вывести из строя конский состав колхозов. Обращение с лошадьми варварское. В колхозе "Молот" из 150 лошадей 40 стояли больными, с побитыми плечами, холками. В колхозе "Ленина" с весны из 150 лошадей пало 61. Политика с тяглом ясно показывает тенденцию кулачества обезоружить колхозы, лишив их возможностей сочетать лошадь с трактором.

К тому же и в ряды трактористов МТС с явно вредительской целью пытаются втесаться классово-враждебные элементы.

Встряска вокруг сева не дала, однако, особенно больших результатов. По климатическим условиям пришлось посевные работы прекратить, продолжая пахоту под зябь.

Но это был серьезный производственный урок. Борьба за сев, в течение 10—12 дней после занесения станицы на черную доску, воочию показала всем, что:

1) были все возможности во время и полностью справиться с севом, 2) что советская власть не позволит бить баклуши на кубанской земле, не даст вести нетрудовой образ жизни, никому не разрешит, как здесь шутливо выражались, заменить честный колхозный трудодень на бесчестную воровскую "трудоночь".

Сейчас же после вынужденного прекращения сева, в виду наступления морозов, поднята массовая кампания очистки полей

Премированый за пахоту и уход за конем ударник Белогуров.
Ни одного прогула, колхоз "Труд. садовод".

Климова Ульяна, бригадир табачной бригады. Имеет 240 трудодней. Ни одного прогула, многократно премированная, как лучшая ударница.

Снижение сорняков.

от сорняков. Завтрашний день, подготовка к весне, повышение урожая требовали этого мероприятия настоятельно.

Кто бывал на темиргоевских полях, тот видел, во что превратили кубанскую землю нерадивые хлеборобы, тот понимал, какую злую перспективу сулят весне дремучие леса бурьянов.

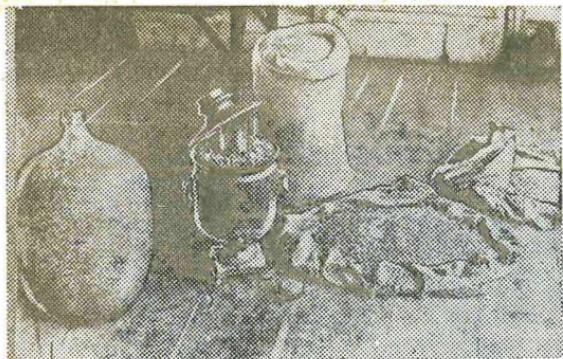
Была проведена с 23 по 28 ноября пятидневная обязательная трудоповинность всего населения (в рабочем возрасте) на борьбу с сорняками. Величественное зрелище представляли в эти дни темиргоевские поля. На протяжении десятков и сотен гектаров ярким пламенем горела сорная растительность. Много бурьяна выжгли и выкорчевали, но много еще осталось, и работа по очистке полей от сорняка, от мышей должна стоять, как одна из центральных хозяйствственно-политических задач подготовки к весне.

Массовой мобилизацией были также спасены в один день 100 га подсолнуха (колхоза им. Ленина), вредительски „позабытые“ на корню и „случайно“ обнаруженные при очистке полей.

Хлебные ямы. Тактика организованной кулачеством утайки.

Уже целый ряд суровых мероприятий был применен станичными организациями в отношении кулацкого ядра, идеино и организационно возглавлявшего саботаж хлебозаготовок. Станица понимала, что на этот раз с ней разговаривают всерьез, разговаривают языком диктатуры пролетариата. И все же хлеб на элеватор из единоличного сектора поступал крайне слабо, нарастающими темпами.

Допуская возможность обыска по какому-либо поводу, кулачество еще в первые дни обмолота приступило к изготовлению

Зерно, спрятанное в самовар, бутыль и проч., найденное у единоличницы 2-го кварт. Пшеничной.

тайников для укрытия хлеба. Часть зерна засыпалась в заблаговременно вырытые, подсущенные, выложенные досками, кирпичом или зацементированные ямы. Засыпался в крепкие сундуки, обычно употребляемые для хранения приданого. Засыпался в водовозные бочки, которые затем глубоко закапывались в землю или, наоборот, с нарочитой небрежностью бросались среди двора в окружении бросовой хозяйственной утвари и всяческого хлама. Для хлеба с осени делались специальные кадки с двойным дном. Насыпанная зерном кадка тщательно закупоривалась, а сверху загружалась солениями — огурцами, помидорами, квашеной капустой. Для хлеба были приспособлены колодцы с залившимся дном, которое утрамбовывалось, затем, после загрузки хлебом, края колодца обваливались...

Мы говорим о „нижнем слое“ хлеба. Хлеб залегал несколькими „горизонтами“ и напластовывался в разные периоды осени. Спрятанное зерно, в некоторых случаях на площадях приусадебных участков, сверху замаскировывалось тщательно озимыми посевами, прикрывалось „ковриком“ по размерам, далеким даже от потребительской нормы посева.

Только руками подлинно преданного партии и советской власти актива оказалось возможным извлечение части этого хлеба.

Борясь за выполнение плана, актив вооружился „щупами“. Были вскрыты первые десять ям. У Чуприновой Феклы в яме оказалось 5,5 центнера хлеба, у Ищенко Ивана — 6,5 центнера, у Дуды Неонили — 4,5 центнера, у Топчиева Григория — 1,6 центнера, у Новикова Ивана — 2,5 центнера и т. д.

Щуп комсодчика коснулся и пласта прошлогоднего хлеба. В яме кулачки Марии Ходыревой оказалось 8,5 центнера чистосортной пшеницы, часть которой (около двух центнеров) уже сгнило.

В яме кулака Бобрышева Петра обнаружено 9 центнеров наполовину сгнившей чистосортной пшеницы.

Но хлебный пласт — не мертвый пласт угля. Как только саботажники поняли, что не всякая яма является надежным убежищем для хлеба — зарытый хлеб „зашевелился“. Часто, прихо-

дя во двор единоличника, хлебозаготовительная бригада обнаруживала следы вскрытых больших ям. Хлеб ускользнул из них. Хлеб прятался в менее капитальные, но зато более многочисленные ямы, в разных местах. Это перепрятывание, эта перестройка саботажного фронта на ходу проделывалась с исключительным проворством и иногда при прямом участии работников комсодов.

Дело в том, что кулацкая агентура, воспользовавшись исключительной напряженностью в работе комсодов, сумела проникнуть в ряды активистов, боровшихся за хлеб, тем более, что из комсода чрезвычайно удобно сигнализировать о ближайших намерениях по оперативной работе комсодчиков.

Пробравшись в 4 комсод, единоличник Федор Пирохин, сам отлично припрятавший ворованный хлеб, заранее предупредил соседей о приходе бригады и работа его „по отысканию“ хлеба в сущности сводилась к стараниям отвести бригаду от хлебных ям.

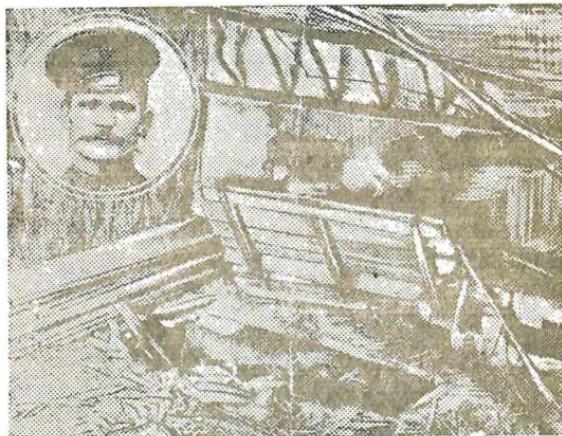
Такую же работу проделывали в первом комсоде единоличники Кубриков и Зайцев, у которых в ямах было обнаружено по 20 пуд. пшеницы.

Член коммуны „МОПР“ Дмитрий Цмаков, будучи уверен, что у него, как у „активиста“, никто не подумает искать спрятанный хлеб, спрятал у себя во дворе зерно своего отца и поручил неким Бреховой и Шалухиной поскорее подыскать покупателя на него. Покупателя в нужный момент не оказалось, кулацкие хлопоты Цмакова были подмечены комсодчиками, но когда они заглянули во двор к Цмакову, то хлеба там уже не оказалось: минувшей ночью он был переправлен Цмаковым снова во двор к отцу.

„Ямный“ хлеб организованно перепрятывался на протяжении всего периода борьбы за выполнение плана.

Яма, обнаруженная в коровнике сбензившего кулана (расмноженного) Хромова И. П. В яме обнаружены картошка кукуруза и фасоль. В углу

Хромов.

За извлечением зерна, замурованного в печке (2 квартал).

Сегодня единоличник Василий Беспалов клянется, что у него нет ни зерна, а назавтра у него находят небольшую яму с центнером кукурузы, а напоследавтра у него еще яма, потом еще и еще. Хлеб спрятан в четырех местах.

Во дворах Слюнькова, Васильева, Моргунова, в десятках дворов, где комсодами были обнаружены ямы с хлебом, при повторной проверке снова оказывались ямы.

В феврале прошлого года была раскулачена и выслана сроком на три года кулачка Матрена Антоновна Тупикова.

Тупикова появилась в Темиргоевке. Она бежала из ссылки и поселилась в своем доме. При обыске во дворе вскрыто четыре ямы, а в них — около 30 пудов пшеницы и рушеной кукурузы, мануфактура, скатерти, полотенца, платки и т. д.

Посева у Тупиковой не было.

Кулачка Щербина насыпала свыше центнера ворованной пшеницы в кровать, соорудила из зерна что-то вроде толстого матраса и улеглась на нем, как „смертельно больная“, с охами и причитаниями.

Движется по кварталу хлебозаготовительная бригада, в сторонке от нее передвигается хлеб.

Видя приближение бригады, единоличник Суплотов сбрасывает мешок ворованной кукурузы в уборную, сверху заливает водой, варварски уничтожая зерно.

Единоличник Иванов Алексей, ни разу не сдававший хлеба с 1930 года и прятавший ранее хлеб в крупных, сухих, хорошо обделанных ямах, сегодня, боясь, что хлеб будет найден, на край усадебного участка рассыпает в бурьянах чувал пшеницы, затаптывает зерно, уничтожает, — „пусть лучше сгниет“...

Зарегистрирован целый ряд случаев порчи и уничтожения зерна. Кулаки, паразиты и расхитители колхозного хлеба, свирепей под натиском станичного актива, смешили хлеб с навозом, с известью, с золой, затаптывали его в грязь, сжигали, выбрасывали в реку, в колодцы.

Когда хлеб обнаруживался в собачьей будке, в свином навозе, в иконах, в печной трубе, в котлах с банным щелоком, приспешный к стене саботажник и вор, часто с исключительной наглостью и цинизмом, отпирался: „это не мое, подбросили“...

Упорные саботажники, пытаясь отвертеться от ответственности за скрытие хлеба, заявляли:

— За хату ручаемся — хлеба в хате нет, а за усадьбу сказать не можем. На усадьбу может каждый подкинуть зерно.

Точно так говорил злостный хлебонесдатчик Николай Коломин.

Когда на границе его усадьбы и усадьбы соседа обнаружили два чувала рушеною кукурузы, он забожился, земахал руками:

— Не моя кукуруза, не моя. Я вас упреждал, что другие подкинуть могут. Теперь видите сами, что подкинули.

А на мешках оказалась мета Коломина.

Самопроверкой вскрываются ямы с воровским хлебом во дворах колхозников, главным образом, членов колхоза „Молот“.

Ямы вскрыты у ряда руководящих работников колхоза — у бригадира Болова, у механика Феронова, у целого ряда колхозников (Ф. Моргунова, П. Чумакова и др.). У двух конюхов третьей бригады — Сергея и Павла Моргуновых вскрыто 9 ям с пшеницей и кукурузой. Выясняется, что во дворах колхозников в значительном количестве зарыт хлеб единоличников самого злостного второго квартала. Произошло крепкое сращивание колхозных и единоличных воров. Эта преступная солидарность продолжает оставаться в силе и в период сплошной самопроверки.

Краденый хлеб с колхозных дворов откочевывает во дворы единоличников. Но уже сказано ворам твердое слово: за скрытый хлеб отвечает тот, на чьем усадебном участке найден хлеб.

Вид на реку Лабу, в которую кулачье станицы Темиргоевской выбрасывало хлеб, чтобы „не доставался“ государству.

Сгнившая пшеница с червями в количестве 80 пудов, найденная в яме у кулака Бобрышева Павла.

И хлеб начинают зарывать на улицах, на пустырях, на брошенных усадебных участках. Наконец, рекордную подвижность ямы изобретает ветфельдшер Черных: он под сидением полухода устроил ящик с зерном: „яма на колесах“.

В первых учтенных 47 ямах было взято 443 центнера зерна. По мере измельчания и передвижки ям, работа комсодов все осложнялась, но крепла, самоочищаясь, становилась все сильнее и настойчивее армия колхозного актива.

Ударники, красные партизаны, комсомольцы, учащаяся молодежь, школьная детвора, сохранившийся и выявленный в процессе работы здоровый костяк станицы и в особенности ростовская рабочая бригада Крайавтодора показали прекрасные образцы конкретной борьбы с кулацкой „подземной“ тактикой.

Ультиматум закоренелым саботажникам.

Враг, разумеется, не предался пассивно вихрю событий и без боя не сдавал ни одной позиции. Остервенелое сопротивление хлебозаготовкам вылилось, как мы видели выше, в форму организованной утайки расхищенного зерна в ямах и самых причудливых тайниках. Причем противник окопался в наиболее удобных и благоприятных для него местах.

Если колхозы им. Ленина, „Трудовой садовод“ и коммуна „МОПР“ к 26 ноября полностью выполнили свои планы, если четвертый квартал единоличников пробил фронт в единоличном секторе и к этому же времени заканчивал свое задание и по хлебу и по подсолнуху,—то колхоз „Молот“ и второй квартал единоличников крепко погрязли в болоте кулацкого саботажа. На 26 ноября „Молот“ застрял на 67% и в течение нескольких дней прекратил всякий вывоз. 2-й квартал шел на последнем месте по единоличному сектору, едва выполнив 30% своего плана.

И это не случайно. Во втором квартале проживает значительная часть колхозников „Молота“, на которых через всякие родственные и „кумовские“ связи оказывают сильнейшее влияние

паразитические элементы из единоличной среды. К тому же сам руководящий и рядовой состав колхоза крайне засорен.

Спустя три недели, после занесения станицы на черную доску, в „Молоте“ вновь удалось выявить шесть явно кулацких семей—организаторов воровства и сопротивления хлебозаготовкам (Лыков — бывш. машиновладелец, Костюков быв. владелец кирпичного завода и т. п.), обнаружить у зам. председателя правления колхоза Тимошина целый склад промтоваров и муки.

Нельзя было мириться с тем, что в „Молоте“, разбазаривавшем хлеб направо и налево, для государства „ничего не осталось“.

Нельзя было терпеть положения, когда десятки единоличников в комсодах клянутся и „божатся“, что не имеют и зернышка, а в то же время у них обнаружилось во дворах и хатах по нескольку ям с зерном, подчас погнившим.

В качестве крайней меры, колхозу „Молот“ и второму кварталу единоличников 26 ноября был предъявлен от имени стансовета ультиматум:

„Ввиду упорного продолжения кулацкого саботажа хлебозаготовок со стороны единоличного сектора, в виду того, что колхозный урожай был разворован с полей и разбазарен жителями станицы, Темирговский стансовет, руководствуясь указаниями краевых партийных и советских организаций, постановляет:

1) предъявить ультиматум наиболее злостно невыполняющему государственный план хлебозаготовок 2-му кварталу единоличников — в течение 48 часов сдать все имеющееся у всех жителей квартала зерно всех культур и выполнить задание второго квартала.

В противном случае все население 2-го квартала будет выселено из станицы на север.

2) В последний раз предупредить всех жителей станицы, что советская власть не потерпит дальнейшего продолжения кулацкого саботажа и применит все меры революционного закона против врагов пролетарского государства.“

В день об'явления ультимата. Бригада автодора у единоличницы Бугаевой (2 квартал) читает и разясняет текст ультиматума.

Соответствующий, отдельный текст „ультиматума“ был составлен и по колхозу „Молот“, который ко всему был еще и предупрежден о перспективе роспуска.

Ночью специальные листовки с ультиматумами были широко распространены среди всего населения станицы. Специальные бригады по колхозам и кварталам разносили по домам листовку, будили спящих, зачитывали вслух и подробно разъясняли значение ультиматума и причины, побудившие к его предъявлению.

На хлебном фронте работать по-боевому. Ультиматум — не пустая угроза.

В числе мероприятий, связанных с предъявлением ультиматума, потребовалось, в первую голову, подтянуть и свои собственные ряды. Трудности классовой борьбы за хлеб посеяли в некоторых, наиболее слабых, неустойчивых звеньях станичного актива и самой парторганизации, зерна неуверенности, сомнений в реальности плана.

„На каждую трудность отвечайте новыми и новыми усилиями организации и дисциплины“, говорил Ленин. И сюда было устремлено особенное внимание руководства в „ультимативные“ дни

На хлебном фронте еще крепче надо было навести боевой порядок, усилить уверенность в успехе дела, поднять дисциплину, во что бы то ни стало обезвредить противника, выбить его из всех оставшихся у него твердынь.

„Как раз на вопросе о главном, на вопросе о хлебе, яснее ясного видна необходимость железной революционной власти, диктатуры пролетариата“. Темиргоевская практика как нельзя лучше показывала всю железную силу этого Ленинского указания.

Ультиматум возымел свое действие. На следующий же день, 27-го ноября, хлеба было заготовлено по станице в пять раз больше, чём в предыдущий день.

Дополнительная мобилизация колхозного актива, твердые задания проверочным бригадам и возглавлявшим их коммунистам и комсомольцам, ежевечерняя оперативная отчетность по этим заданиям значительно двинули вперед обнаружение спрятанного хлеба. На выручку колхозу „Молот“ в порядке помощи выступили все темиргоевские колхозы, к тому времени выполнившие свои планы. И к тридцатому ноября проценты по „Молоту“ подскочили с 67 до 83. За три дня по единоличному сектору сдано больше хлеба, чем за предыдущие две пятидневки. С 27-го ноября по 2-е декабря было заготовлено 10% годового плана, в то время, как предшествовавшая предъявлению ультиматума пятидневка дала менее 3 проц. годового плана.

Ультиматум не был пустой угрозой, как это нашептывали враждебные силы, саботажники, тунеядцы. Это быстро почувствова-

вали на себе злостные хлебонесдатчики 2-го квартала единоличников. Помимо высылки злостных жителей из станицы на север, часть приговорена судом к лишению свободы на разные сроки, а 66 хозяйств, продолжавших кулацкий саботаж, расхищавших и упрятавших колхозный хлеб, отказавшихся от посева,— были выселены из домов в худшие дома станицы по нескольку семейств и были лишены усадебной земли.

Организованный саботаж мероприятий партии и советской власти возглавлялся в Темиргоевской довольно крепким отрядом классово-враждебных нам сил. Достаточно указать на фигуру бывшего подхорунженого, активнейшего белогвардейца-кардинала Богатырева А. К., выходца из отряда генерала Бичерахова.

В 1919 году, в бытность его в отпуску в Темиргоевской, он, развлечения ради, „по пьянке рубал людей“—по собственному признанию. Выводил из арестного помещения пленных красноармейцев-одностаничников и засекал шомполами. Расстрелявши красноармейца К. Мацутина, Богатырев лично сообщил об этом жене расстрелянного. Глумясь и кривляясь, золотопогонник подтвердил смерть Мацутина,— показав вещи, взятые им при ограблении трупа.

Рядом с Богатыревым, в Темиргоевской жил и вел активнейшую подрывную работу бывший урядник-белобандит Воробьев Г. В. Он в свое время, при помощи шомполя и шашки, сдирая контрибуцию с красноармейских семейств.

Колхозник Журавлев, спрятавший под дровами в сарае семенную пшеницу.
Зерно начало гнить и было пущено Журавлевым на норм скоту.

Палач-вешатель со стажем карателя от 1905 по 1922 г. Ефрем Иванов... Пять таких зубров, изъятых органами диктатуры пролетариата, вели работу в станице полууподпольно.

С меньшей скрытностью орудовали те, кто считал себя не-оспоримыми „хозяевами“ станицы, лишь до поры до времени терпящими власть советов и соседство колхозов.

Скворцов И. Е. Это представитель „почетной“ семьи. Один из его братьев бежал за границу, другой расстрелян за контрреволюционную работу, третий — бандит, убит во время операции по ограблению проезжих на большой дороге. Сам Иван Скворцов не скрывает, что он ведет паразитический образ жизни, в основе которого грабеж колхозного хлеба.

Ходырев П. Кулак бело вардеец, живущий по образу и подобию Скворцова на колхозной шее, на колхозном хлебе и на „собственной“ необрабатываемой земле, владеть которой он „не допустит иных прочих“...

Зубенко, Сорин, Духин, Гуторов, Агафонов, Андрего, Зарченко, Ломанов, Хромов, Тронов — десятки имен с кровавым прошлым, с лютой ненавистью и враждой наседавших на колхозное сегодня станицы.

По решению Крайкома партии о выселении с Кубани классово-враждебных контрреволюционных элементов, организовавших саботаж хлебозаготовок и сева — все эти лица высланы из станицы Темиргоевской на север.

„Накладная“, по которой этот давивший станицу тяжелый груз отправлялся на север, показывает следующее:

Из 50 семей высланных: кулаков — 18, зажиточных — 10, торговцев и спекулянтов — 6, бывших бандитов — 1, карателей-палачей — 16, родственников высланных — 24; организаторов и участников контрреволюционных выступлений „пятидневки“ — 21, оштрафованных и судившихся за невыполнение хлебозаготовок и госплатежей — 14.

Помимо этих 50 высланных из Темиргоевки, вместе с семьями, в процессе ожесточенной борьбы за хлеб из рядов саботажников, воров и паразитов, разоблаченных активом, выездной сессией нарсуда 1-го участка Курганенского района рассмотрено в Темиргоевской множество дел, связанных с саботажем хлебозаготовок и сева, с вредительством, с хищениями колхозного хлеба и имущества. Свыше 200 чел. осуждены на разные сроки (из них — бывших кулаков 125 чел., быв. торговцев — 14 чел., карателей, бандитов — более 80 чел., бывших атаманов, их помощников и родичей — 8 чел. и т. д.).

Этими репрессивными мероприятиями, сопровождавшимися широчайшей политмассовой работой, был сломлен хребет шайке проводников саботажа, организованного кулачеством.

Очистка станицы от классово-враждебных элементов встречена живым, горячим одобрением со стороны большинства трудящегося населения Темиргоевской.

Итоги чистки партии, комсомола, советского и колхозного аппаратов.

Самый опасный враг — враг с партбилетом.

Это со всей очевидностью подтверждается преступной деятельностью бывшего председателя правления колхоза им. Ленина — Миронова:

Вся она, эта деятельность протекала по руслу наиболее сокровенных чаяний и злобных надежд наших классовых врагов, имея конечной целью — развал колхоза.

Помимо своих прямых целей, кулак, используя изменника-коммуниста, всячески дискредитирует партию в глазах трудового населения, мол, партия ни при каких грехах не накажет коммуниста — „свой своему хоть поневоле, но брат!“ И когда в Темиргоевке было вскрыто мирное сотрудничество с кулаком некоторых членов станичной парторганизации, и в кулацких гнездах и внутри самой парторганизации упорно заговорили о перебросках. „Разоблачат, изругают, влепят выговор, перебросят“.

Даже положение отданного под суд Миронова в станичной парторганизации рассматривали как „неприятность“, из которой, конечно, нужно „вызволить своего парня“. Самое отталкивающее в фигуре Миронова это то, что и сотоварищи по организации, и друзья по службе, и отявленнейшие кулаки-белобандиты и контрреволюционеры, с одинаковой уверенностью называли Миронова „своим парнем“. Правая рука Миронова — бухгалтер Моргунов, тоже в кулацкой оценке „в доску свой парень“. А тот факт, что его неоднократно выгоняли из партии и вновь принимали, окончательно убедило и кулаков и их агентуру, что „с коммуниста как с гуся вода“...

Изменники Миронов и Моргунов, предавшие интересы партии в угоду кулацким кровопийцам — расстреляны.

Внутри Темиргоевской станичной организации оказалась целая дюжина граждан, которые для кулачья были „своими парнями“.

Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали всю необходимость чистки партии для того, чтобы в ней оставались высокосознательные, искренние, преданные коммунизму люди, чтобы в партии состояли только те, кто интересы партии, интересы социализма ставит выше всего.

Партия не может терпеть в своих рядах и „коммунистов“, нарушающих партийную дисциплину своей развинченностью, мелкобуржуазной расхлябанностью, помогающих зловредной работе врага.

„Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата“ — писал Ленин.

Комиссия по чистке темиргоевской парторганизации, пропроведив 69 человек, исключила из рядов партии 9 чел., различным партвзысканиям подвергнуто 14 чел. Исключены:

Ефимов К. Г.—член партии с 1931 года, секретарь ячейки колхоза им. Ленина: как прямого агента классового врага, за оказание сопротивления выполнению плана хлебозаготовок, за повторствование чуждым элементам, засевшим в правлении колхоза, за расхищение 52 центнеров хлеба и продажу кулакам и единоличникам на корню 320 гектаров озимой пшеницы по 50 руб. за га.

Ромась М. Д.—член партии с 1929 года, зампред стансовета. За отсутствие борьбы с контрреволюционным кулацким саботажем хлебозаготовок и сева в ст. Темиргоевской, за дезертирство со своего поста запредстансовета в момент напряженной работы парторганизации, за отказ работать в бригаде на производстве.

Некрашевич Г. И.—член партии с 1926 года, бывший секретарь станпарткома ст. Темиргоевской: за притупление классовой бдительности, срыв плана хлебозаготовок и как проводника кулацкой политики в деревне, а также за соучастие в разбазаривании колхозного хлеба.

Слюсаренко С. И.—член партии с 1931 года, агротехник МТС—за слабую работу по внедрению агротехнических мероприятий в сельское хозяйство, за соучастие в составлении фиктивного акта о гибели 320 гектаров озимой пшеницы и, как неспособный проводить политику партии в деревне—из партии исключен, с предоставлением права через год возбудить вопрос об обратном приеме в партию при наличии положительных отзывов с места работы.

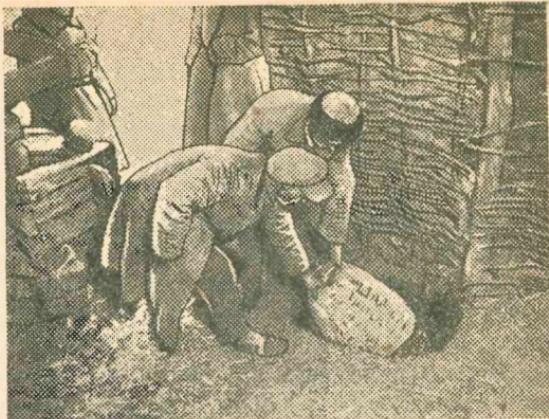
Колосова А. Ф.—кандидат в члены партии с 1931 года, коммунарка коммуны им. МОПР—за халатную работу на производстве, как неспособную проводить политику партии в деревне и как социально-чуждую (дочь кулака), а также за отсутствие какой бы то ни было партийной работы в парторганизации.

Луганько Г. И.—член партии с 1930 года, бывший предколхоза „Трудовой садовод“: как чуждого делу коммунизма, за разбазаривание хлеба, за самоснабжение, явное сопротивление хлебозаготовкам и севу, укрытие годного для сева зерна с целью оставления его на потребительские нужды колхоза.

Ширин С. С.—член партии с 1931 года, бывший предправления артели инвалидов: за допущение засоренности аппарата управления и самой артели инвалидов классово-чуждыми элементами, за разложение (пьянство с кулаками), за отказ от проведения линии партии в деревне по выполнению плана хлебозаготовок.

Проведенная в станице чистка до конца не освободила парторганизацию от присосавшихся в нее чужаков. Организация продолжала самочистку в процессе борьбы за хлеб. В ближайшие же дни после чистки, как только „непосредственная опасность миновала“, ряд видных членов темиргоевской организации показал, каков он в своей обычной, будничной борьбе за интересы

14-XI-32 г. была открыта у нулана яма, в которой была зарыта в корзине кукуруза. На снимке вытаскивание из ямы корзины с кукурузой членами комсода № 1.

партии. В станице проходит напряженнейшая работа по завершению плана хлебозаготовок. Горячее партсобрание. По углам спокойно сидят „коммунисты“ Коробко, Мочалин, Умоловский. Первый — член правления колхоза „Молот“, бригадир; второй — секретарь ячейки МТС; третий — помдиректора МТС. Казалось бы, именно они должны были быть в самом горниле ожесточенной борьбы за хлеб. Они еще до зари должны были быть на постах командиров в отрядах актива, борющегося за хлеб.

Они сидят, рассеянно позевывая, как вполне посторонние люди, на которых распространяется тяжелая обязанность бывать на собраниях. Кончилось собрание. Коробко, Мочалин, Умоловский по давно заведенной привычке идут „ выпить“, напиваются до „зеленых чертей“ и ползком встречают день большевистской борьбы за хлеб.

Участие в этой борьбе кажется настолько обременительным для секретаря станичной организации комсомола Алейникова, что он, забиввшись в укромный уголок, попросту отсиживается, как „поденщик“ худшего толка. Кончился день, — поденщик заглядывает в станпартком, — послушать, узнать, что произошло за день, быть в курсе событий. Когда попробовали однажды спросить, — что же сделано за день лично Алейниковым, которому, как и другим, давались задания, — то Алейников без всякого зазрения совести принял врату, плести все, что взбрело ему в голову: „у нас в бригаде... на нашем фронте“... Ни в какой бригаде, ни на каком фронте Алейников не был. Лгал он с наглым спокойствием привыкшего „докладать“. Он готов был даже вдохновиться, рассказывая как „он сегодня“...

Возникла необходимость тут же на собрании исключить из партии и арестовать этого типа, способного в любую минуту предать интересы партии, не моргнувши глазом и „докладать“, „докладать“, крутя шарманку нудной, лживой словесности.

„Докладал“ и предшествовавший Алейникову секретарь станкома ВЛКСМ Заводной. Этот также не имел мужества бывать на

хлебозаготовительном фронте, зато как в родной стихии чувствовал себя в обстановке „пьяных вечеринок“. Часть станичного комсомола, его „актив“, возглавлявшийся Заводным, был в стороне от конкретных задач классовой борьбы, в стороне от борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, в стороне от ударничества и соцсоревнования.

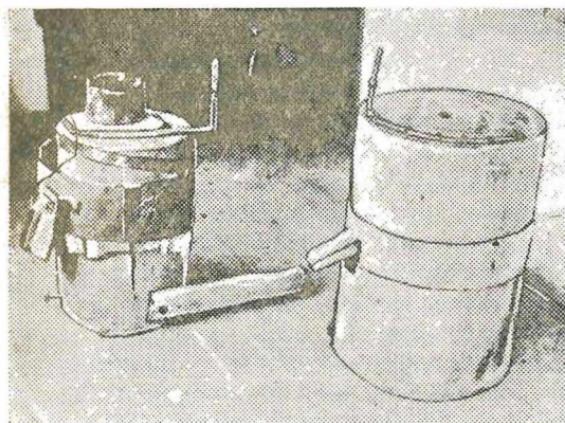
Чистка комсомольских рядов станичной организации вышвырнула из комсомола 17 чел. во главе с Заводным, — чуждых, примазавшихся к комсомолу кулацких агентов, кулацких и офицерских сыновей, людей разложившихся, предававших дело партии.

Чистка советского, колхозного и кооперативного аппаратов— выявила значительную засоренность их чуждыми элементами. Из проверенных 90 чел. выброшено 21, из них 8 отданы под суд, подвергнуты разным взысканиям 46 чел. Среди вычищенных преобладают работники среднего звена колхозного аппарата, хранители колхозных ценностей: кладовщики, завхозы, зав. амбарами. Кладовщик коммуны „МОПР“ — Адамов злостно срывал работу ударников в ответственныйший момент ликвидации прорыва на севе.

При наличии вполне достаточного количества продуктов, этот „хозяин“ изо дня в день оставлял голодными работающих на севе. Люди начинают бросать работу, прорыв не только не изживается, но углубляется. Кладовщик, спрятавши ключи в карман, спит в укромном месте. Проснувшись — любуется. Экая, значит, он сила, коли все бегают, ищут его, неистовствуют, все перегукались. Лодыри глумятся над ударниками. Кладовщик продолжает лить масло в огонь ссор, оставляя суп без масла, обед без хлеба.

Такую же роль играл кладовщик колхоза „Молот“ Ломакин, вредительски уничтоживший 1 200 штук птицы.

Кладовщик МТС Сорокин орудует по линии самоснабжения администрации, доводя до озлобления рабочих. От кладовщика

Мельницы, отобранные у кулаков: Бурмасова и Дацукова
(1-й комсод.)

часто зависит состояние трудовой дисциплины, и Сорокин мастерски умел ее расшатывать.

Чисткой выявлен материальный кулак — белогвардеец, торговец — Борщ, распределявший по своему вкусу и усмотрению товары в сельПО. Основной поток товаров направлялся Борщом в кулацкие руки, настоящие же труженики — колхозники оттеснялись от кооперации. Что же можно сказать о стимулировании хлебозаготовок промтоварами, когда в задачи Борща входил срыв хлебозаготовок?

Выявлен вор и первый пособник расхитителей колхозной собственности — полевод колхоза им. Ленина — Кошкин, прикрывавший воров „по малограмотности“, — как он заявляет.

Чистка вскрыла картину бездушной, чиновничьей работы агрономов Темиргоеvской МТС — Чибисова и Молибога. Они отсиживались в кабинетах, шурша бумажками, не зная, что делается на степи по участкам. Отдавали заочные нелепые распоряжения, в итоге которых целые колонны тракторов проставляли, делали ненужные переезды, затрачивая на них иногда по четыре дня. Горело горючее, как на пожаре. Стоимость вспашки одного гектара колхозного поля локтилась до 50 руб.

Многие работники в счетном аппарате колхозов держались правлениями при явной непригодности этих „незаменимых“ специзов для работы. Одни активно вредили (как расстрелянный Моргунов), другие пьянистовали, запуская учет „не по злому намерению, а по слабости“ (как бухгалтер коммуны „МОПР“ — Песни). Смазывался учет — решающее звено укрепления колхозов.

Чистка колхозного, кооперативного и советского аппаратов выбивает из рук классового врага могучее орудие, которым он пользовался, организуя саботаж.

За добровольную сдачу похищенного зерна.

В ходе борьбы за выявление растищенного хлеба, некоторые колхозники и единоличники, укрывшие зерно под влиянием кулацкой провокации, — сами начали сознавать свою вину перед государством и добровольно вскрывать хлебные ямы.

Началась массовая кампания за добровольное выявление еще не сданного, похищенного и спрятанного хлеба. Стансоветом широко публикуется в газете и специальной листовке следующее постановление от 2-го декабря:

„Ход хлебозаготовок по Темиргоеvской показывает, что значительная часть населения станицы скрывает от государства зерно, преступно прячет и портит его в ямах и других местах. Это свидетельствует о том, что кулацкий саботаж хлебозаготовок не сломлен до конца и, что далеко не все колхозники и трудящиеся единоличники активно борются за быстрейшее снятие ст. Темиргоеvской с черной доски.“

Одобряя почин отдельных колхозников (Шаповалов) и единоличников (Королева), добровольно вскрывающих свои ямы с зерном, ис-

купавших свою вину перед рабоче-крестьянским правительством и не привлекаемых поэтому к ответственности,— стансовет постановляет:

1. Предложить населению станицы в течение 48 часов сдать спрятанное зерно в колхозы и комсоды по кварталам.
2. Обеспечить безнаказанность тем колхозникам и единоличникам, которые добровольно открывают спрятанный, под влиянием кулацкой провокации, хлеб.
3. По истечении 48 часов каждый случай укрывательства хлеба, где бы то ни было,— рассматривать, как тягчайшее государственное преступление, виновников арестовывать и предавать суду".

Постановление это имело в сумме всей проведенной в Темиргоевской работы огромное политическо-воспитательное значение, хотя особого материального эффекта не дало (около 20 хозяйств вскрыли ямы), и к тому же постановление это было扑щено в ход за три дня до окончательного завершения всего общестаничного плана хлебозаготовок.

Но показательно другое: на собрания, посвященные обсуждению вопроса о добровольной сдаче похищенного хлеба явилось по четырем кварталам — 80% всего единоличного, и по трем колхозам 82,6% колхозного населения.

Кое у кого заговорила совесть. Колхозник Шаповалов, добровольно открывший свою яму с хлебом, заявил на собрании:

— Когда у меня была яма, очень болело сердце за то, что я делаю преступление перед рабоче-крестьянским правительством. Я решил признаться и этим искупить свою вину. И признался. Хлеб сдал государству. Теперь будто тяжелый камень свалился с моей совести.

Он призывает всех последовать его примеру.

Настойчивая массовая работа вокруг добровольной сдачи спрятанного хлеба ни на минуту не должна быть ослаблена, и является, в частности, совершенно необходимым рычагом в борьбе за семена, за осуществление социалистического лозунга: общественная, колхозная собственность священна и неприкосновенна!

Кулацкий саботаж сломлен.

Выполнение плана хлебозаготовок. Проверка на севе подсолнуха под зиму.

Вечером, 2 декабря, годовой план хлебозаготовок по колхозному сектору ст. Темиргоевской выполнен на 100,3%, а 5 декабря обществанический план (по всем секторам) был выполнен на 100,8%. К этому же сроку план сдачи подсолнуха подтянут до 52% (на 5 ноября было 0).

Сокрушительная борьба против остатков ликвидированного кулачества за хлеб получила тут же и другое подкрепление. Впервые за советские годы в станице доведен в первых числах декабря план посева подсолнуха под зиму до 400 га. Для темиргоевских колхозов этот посев был серьезнейшей производственно-политической проверкой. И экзамен был выдержан на славу. Сев развернулся, несмотря на холода, на непогоду, несмотря на скрытую и явную антипосевную агитацию кулацкой агентуры, „разутых и раздетых“ лодырей, рвачей с небывалыми здесь темпами. 3-XII посеяно — 6 га, 4-XII — 40 га, 5 XII — 78 га, 6-XII — 127 га, 7-XII — 127 га. 8-го декабря план был перевыполнен. Три колхоза (им Ленина, „Труд. садовода“ и коммуна „МОПР“) перевыполнили и свои встречные планы. Острейшая, без всякого сентиментальничания, борьба с саботажем, организованным кулачеством, резкое и настойчивое преодоление „практики киселебразного состояния“, которой осквернялась работа станичных организаций и колхозного руководства — воспитывала людей, буквально на глазах производила у многих колхозников перелом в отношении к труду, к артельному хозяйству, к обобществленной собственности. А в этом гвоздь!

Не лишне привести один яркий образец самоотверженной защиты колхозного добра.

В ночь с 25 на 26 ноября банда вооруженных грабителей совершила налет на пасеку коммуны „МОПР“. Сторож пасеки Павел Черкасов, подпустив кулацкую шайку поближе, дал по ним два выстрела из охотничьего ружья. Больше у него с собой патронов не оказалось. Главарь банды — кулак Педиков упал, раненный в голову. Остальные, не ожидая такой встречи, быстро подхватили раненого и пытались вместе с ним скрыться.

Павел Черкасов, сбежавший домой за патронами, нагнал банду и снова открыл по ней огонь, ранив в ногу еще одного грабителя. После этого бандиты, бросив раненого, — скрылись.

Поступок Павла Черкасова, геройски защищавшего порученное его охране колхозное имущество, не сдрейфившего перед целой шайкой уголовно-политических бандитов, был газетой широко популяризирован среди колхозников Темиргоевки.

Не один десяток подобных энтузиастов колхозного производства выдвинула к активной жизни на своем гребне тридцатипятидневная антикулацкая лавина.

Сентюков Григорий—коммунар „Мопра“, бригадир,—организовал специальную засаду и выловил ряд воров и утайщиков (Хромова, Изыкова, Соловьянова), вскрыл много ям.

Канучников Александр—активный селькор, передовик борьбы за выполнение плана хлебозаготовок, а затем за сбор семян и фуражи; создал бригаду по изысканию кормов „топинамбур“, относится к колхозному скоту как „к дитю“, колхозник, у которого руки не дрожат перед трудностями, перед классовым врагом, полностью уверен, что „теперь у нас дело пойдет, загудит“.

Сердюков—колхозник „Молота“—с первого и до последнего дня, без устали дрался за хлеб, за очистку колхоза от „сабо-тажной братии“; после выполнения плана хлебозаготовок с прежней энергией переключился на сбор семян.

Черкасовы, Сентюковы, Канучниковых, Сердюковы — это уже не единицы.

Широко развернутая бригадой Крайкома партии во всем ее многообразии массовая политическая работа толкала вперед производственный подъем колхозников, заставляла их о многом передумать, укрепляла в них чувство коллективного хозяина. А это важнее всего.

Тактика кулацкого саботажа направлена прежде всего сюда. И именно на этих позициях нужно по-боевому, вконец сокрушить врага и расстроить все его маневры без остатка.

Активист чл. комсода № 1
Сентюков обнаруживает в
огороде у быв кулаака Зубенко-
Н. С. яму с рушеной кунурозой.

Станица снята с черной доски.

„В виду выполнения плана хлебозаготовок по станицам Темиргоевской (100,8%) и Ново-Рождественской (100,2%) — эти станицы с черной доски снять, обязав их продолжать заготовки до выполнения плана хлебозаготовок по району в целом. Однако, указать, что неудовлетворительное выполнение по этим станицам плана озимого сева требует перекрытия недосева весной.

Неудовлетворительная подготовка к весеннему севу колхозов и единоличных хозяйств и, прежде всего, неудовлетворительный сбор семян и плохой уход за тяглом будет означать, что саботаж, организованный кулачеством, еще до конца не сломлен и приведет эти станицы опять к занесению на черную доску со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Предупредить единоличные хозяйства этих станиц, злостно не выполняющие план хлебозаготовок, отказывающиеся от сева и засыпки семян, что к ним будет применена высылка из пределов края“.

Так гласил 1-й пункт постановления Крайкома партии от 16/XII.

Первое сообщение о снятии станицы с черной доски, двинутое через листовки, лозунги, специальный номер газеты с постановлением стансовета о возобновлении торговли было встречено населением радостно и с подъемом.

Общестаническое собрание коммунистов, комсомольцев, беспартийного колхозного актива, красных партизан и женактива, не могло вместить всех явившихся. Доклад о решении Крайкома и ближайших задачах Темиргоевской парторганизации и колхозов заслушивается с напряженным вниманием и вызывает оживленные выступления партийных и беспартийных колхозников и колхозниц. 600 рук подымается дружно за посыпку специального письма - обязательства Крайкому партии тов. Шеболдаеву, Крайисполку — тов. Ларину и редакции газеты „Молот“:

„Под большевистским руководством и при непосредственной помощи Севкавкрайкома ВКП(б), — говорится в письме, — темиргоевские партийные и советские организации, при активном участии передовых колхозников и добросовестных трудящихся единоличников, годовой план хлебозаготовок по станице выполнили 5 декабря на 100%. Кулацкий саботаж сломлен, позорное пятно смыто напряженными усилиями масс, беззаботно преданных нашей партии и советской власти.

Присланная в станицу бригада Крайкома в помощь проведению текущих сельско-хозяйственных кампаний, и, прежде всего хлебозаготовок, показала нам образцы неутомимой практической работы и непримиримой борьбы с кулачеством за укрепление колхозов, за социалистическое воспитание крестьян-колхозников. Организованная краевой выездной редакцией станичная печатная газета „Сломим кулацкий саботаж“ явилась подлинным коллективным организатором, агитатором и пропагандистом трудящихся масс и острым орудием, разящим классового врага,

Сторож коммуны „МОПР“— Черкасов Павел, самоотверженно защищавший колхозное имущество от нападения бандитов.

Активистка Ирина Позднакова 75 лет, член коммуны „НООП“ не имеет ни одного прогула.

Пред. коммуны „Труд. садовода“— Бублинов, колхоз перевыполнил план хлебозаготовок и 1-й закончил сев подсолнуха под зиму, выполнив встречный план-

Агееva E. A. премированная ударница. Не имеет ни одного прогула, колхоз „Труд. садовода“.

Яцыно Я. А. ударник колхоза „Молот“, первый сдал семена и зерно в покрытие плана. Не имеет ни одного прогула. Принимал активное участие в работе хлебозаготовительных бригад.

Бригадир 1-й бригады колхоза им. Ленина Пронин (кандидат ВКП(б), непримиримый борец с хищниками, активный участник хлебозаготовок.

Бригадир 1-й бригады колхоза „Молот“ Быковский (красный партизан), проводит большую работу по оздоровлению бригады и преодолению кулацкого влияния в ней.

Бригадир 1-й бригады коммуны „Мопр“ Корнеев добился наилучших результатов в посевной кампании и налаживании производства.

Дудников Т. В. антивист-бригадир 4 ком-
сода; его бригада заняла 1 место по за-
готовке зерна. Все время работал на са-
мых ответственных участках.

под какой бы личиной он не скрывался. Общестаничное партийно-комсомольское собрание, совместно с активом, с большим удовлетворением встречает решение Крайкома партии о снятии ст. Темиргоевской с черной доски после 35 дневной упорной борьбы за хлеб, и в ответ на это дает Крайкому партии твердые большевистские заверения.

1. На основе уроков, полученных парторганизацией в борьбе с кулацким саботажем хлебозаготовок и осеннего сева, еще решительнее и непоколебимее будем проводить генеральную линию партии, сокрушая малейшие попытки сопротивления классового врага в любом из участков соцпереустройства станицы.

2. Продолжая очищение партийной организации от кулацких перерожденцев, от оппортунистов всех мастей, будем всемерно вовлекать в свои ряды лучших ударников-колхозников, показавших себя в борьбе с кулаком, за укрепление колхозов. Будем воспитывать новые слои колхозного актива и через него крепить трудовую дисциплину, поднимать производственный энтузиазм широких колхозных масс.

3. Партийная и комсомольская организации и беспартийный колхозный актив сегодня же переключают все свои силы на быстрейший сбор семян для ярового клина, создание фуражного фонда для тягла, на ударную подготовку весенне-посевной кампании, на перекрытие яровыми культурами осеннего недосева, на окончательную ликвидацию всех последствий длительного кулацкого засилья в колхозах и станице. Мы обязуемся усердно заняться всеми вопросами организационно-хозяйственного упрочения существующих колхозов и организации новых крепких колхозов из наиболее добросовестных трудящихся единоличников станицы.

Да здравствует ленинская партия большевиков, ее Центральный комитет, во главе с любимым вождем мирового пролетариата тов. Сталиным!

Да здравствует Краевой комитет партии, во главе с тов. Шеболдаевым, непоколебимо осуществляющий генеральную линию партии на окончательный разгром осколков ликвидированного кулачества и организованного ими саботажа!"

Весна решает.

За осуществление своих обязательств темиргоевцы принялись тотчас же на ходу. С помощью бригады Крайкома была разработана специальная практическая программа подготовки к весне, ибо только исход весенней посевной кампании окончательно решит, насколько прочна была победа над кулачеством в борьбе с организованным им саботажем хлебозаготовок.

Было бы политической близорукостью полагать, „что дело идет только о хлебе... Дело идет о дальнейших судьбах колхозов“ (Шеболдаев). Поэтому нужна неутомимая большевистская решимость, организованность и революционная бдительность, чтобы темиргоевские колхозы, изрядно потрепанные длительным кулацким засилием в них, были по-настоящему поставлены на ноги.

Главнейшими из намеченных мероприятий являются: 1) по-колхозный план весеннего сева с значительным покрытием не-досева озимых яровыми культурами; 2) сбор семян темпами и методами хлебозаготовок, с доведением твердых заданий до каждой колхозной бригады; 3) мобилизация всех кормовых ресурсов (жмыхи, отруби, полова, сено, заросли земляной груши— „томинамбура“ и т. д.) для создания фуражного фонда и ремонта лошади; 4) проверка колхозных кадров, особенно бригадиров, конюхов, полеводов, учетчиков, заведующих специальными отраслями и т. д.; 5) организация новых колхозов из наиболее честных, добросовестных трудящихся-единоличников; 6) работа с колхозным активом. И самое важное: колхозная жизнь должна быть пронизана насаждением социалистической дисциплины везде и во всем.

В сторону всех этих задач повернулась и печатная газета „Сломим кулацкий саботаж“, организовавшая соревнование колхозных бригад по сбору семян и поставившая в ряде последних номеров (всего в Темиргоевке вышло 36 номеров; тираж газеты и изданных ею листовок, лозунгов, материалов— составил за все время около 80 тыс. экз.) вопросы подготовки к весне под углом зрения организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Началась практическая работа по организационному оформлению новых колхозов. Еще в разгаре борьбы за хлеб, свыше 100 единоличников выразили желание вступить в колхозы, встать на верный путь коллективного социалистического труда. После снятия станицы с черной доски созваны специальные, персональные подобранные совещания единоличников, вступающих в

колхозы; прием туда ставится в прямую зависимость от внесения семян. Колхоз без семян и посева — лжеколхоз! Колхозник, не вносящий семена, не борющийся за семена для весеннего сева — лжеколхозник!

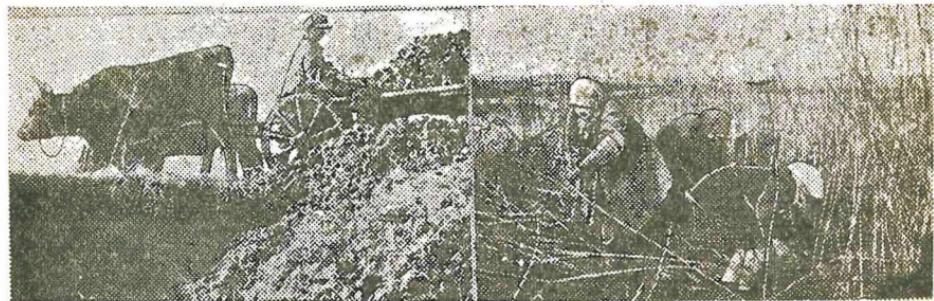
Под этим политическим лозунгом проходит борьба за семена, за подготовку к севу.

„Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный комитет ВКП(б) указывают, что без установления твердой трудовой дисциплины в колхозах невозможно успешное проведение весеннего сева; в связи с этим невыход на работу и злостно-небрежное отношение к работе в поле со стороны отдельных колхозников должны караться без всякого снисхождения вплоть до исключения из колхоза.

Совнарком и ЦК ВКП(б) предупреждают партийные и советские организации Северного Кавказа и работников земельных органов, машино-тракторных станций и совхозов, а также членов правлений и бригадиров в колхозах, что их первой обязанностью является сломить всякое проявление кулацкого саботажа и вредительства, которые еще могут повториться в ряде районов во время сбора семян, или во время сева, причем всякое снисхождение к врагам народа, саботирующим сев, будет рассматриваться как помощь с их стороны кулаку и контрреволюционному вредителю.

Совнарком и ЦК ВКП(б) обязывают местные органы власти рассматривать уличенных в краже семян из амбаров и сейлок или во вредительском уменьшении норм высева и вредительской работе при пахоте и севе, рассчитанной на порчу полей и срыв урожая, как расхитителей колхозной и государственной собственности и применять к ним декрет от 7 августа 1932 года об охране общественной собственности, не допуская снисхождения“. (Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) „о мероприятиях по организации весеннего сева на Северном Кавказе“ — от 23/I — 33 г.).

Сбор семян, как и вся подготовка к весне — острейший уча-

Сбор земляной груши (томинамбур), в изобилии растущей самосадом вокруг стани-

сток классовой борьбы. „Самотек теперь больше, чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело“. (Сталин). Только проводники правого оппортунизма, наиболее опасного в данный период, могут благородно опустить руки, надеясь на то, что раз хлебозаготовки выполнены, раз станица снята с черной доски — значит враг раздавлен без остатка. Кулацкий саботаж сломлен, но сопротивление охвостьев кулачества еще не добито до конца.

„Нельзя сказать, чтобы эти бывшие люди могли что-либо изменить своими вредительскими и воровскими махинациями при нынешнем положении СССР. Они слишком слабы и немощны для того, чтобы противостоять мероприятиям советской власти. Но если наши товарищи не вооружатся революционной бдительностью и не изгонят из партии обычательски-благородное отношение к фактам воровства, расхищения общественной собственности, то бывшие люди могут на-делать немало пакостей.“

Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти. Нет такой пакости, клеветы, которую бы эти бывшие люди ни возвели на советскую власть и вокруг которых ни попытались бы мобилизовать отсталые элементы“. (Сталин).

Предстоит еще ожесточенные схватки с классово-враждебными элементами, делающими последнюю ставку на неискорененные еще традиции собственника, на силу вековых привычек деревни.

„Придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества“ (Сталин).

Для этого необходимо, чтобы большевики, с помощью колхозного актива создали в каждом колхозе атмосферу общественно-презрения и ненависти вокруг лодыря, тунеядца, вора, чтобы любое проявление мелко-собственнических пережитков яростно встречалось в штыки, чтобы не было дармоедов, чтобы в трудовой колхозной семье не возрождался быт по старинной „расейской“ пословице: „один с сошкой, семеро с ложкой“, чтобы нигде и ни в чем мертвое, отживающее не могло хвататься за растущее, за живое.

Работу с колхозным активом — на политическую высоту.

В классовой борьбе с кулачеством, с различными разновидностями его тактики и маневров, закалялись десятки колхозников-активистов, не щадя сил, непримиримо боровшихся за кровные интересы социализма.

В течение всего декабря месяца 1932 года, 135 передовых колхозников станицы Темиргоевской, вместе с Ростовской рабочей автоколонной Крайавтодора, проделавшей огромную работу, — ударно помогает проводить хлебозаготовки в целом ряде отстающих сельсоветов Курганенского района, перенося туда свой накопившийся опыт и решимость преодолеть до конца кулацкое сопротивление.

„Кулаки разбиты, но они далеко еще не добиты. Более того,— они не скоро еще будут добиты, если коммунисты будут зевать и благодушествовать, полагая, что кулаки сами сойдут в могилу в порядке так сказать стихийного своего развития. Что касается „нейтральных“ колхозов, то их нет вообще и не может быть в природе. „Нейтральные“ колхозы — это фантазия людей, которым даны глаза для того, чтобы ничего не видеть. При такой острой классовой борьбе, какая имеется у нас теперь в советской стране, для „нейтральных“ колхозов не остается уже места, при такой обстановке колхозы могут быть либо большевистскими, либо антисоветскими. (Сталин).

Работа с колхозным активом в Темиргоевской была поставлена, прежде всего, как центральная политическая задача. Не замыкать актив в кругу производственных вопросов бригады, проводить воспитательную, организационную работу с активом (причем, не по формальному признаку, а по строгому, персональному отбору, действительно преданных производственников, смело и неустранимо борющихся с кулацкими приспешниками и их разлагательским влиянием) и в общеколхозном, общестаничном масштабе, привлекая для этого лучшие партийные силы.

Первейшее и самое непременное условие — не „растерять“ ни одного человека из выявившегося на борьбе за хлеб, за снятие станицы с черной доски — колхозного актива. Партийная организация, с помощью политотдела МТС должна максимум внимания и заботы направить на дело окружения себя крепким, сколовенным, тщательно подобранным и учтенным активом, на дело выдвижения из него лучших, опытных людей на руководящую работу в колхозном производстве и в станичные организации, заменяя непригодных и вычищенных.

Текущая зима должна превратиться в сплошную школу по повышению политического уровня и агротехнической квалификации колхозного актива и поднятию его роли, влияния и ответственности. Помимо курсовых мероприятий, для этой цели надо приспособить различные формы массовой работы (политдни, отчетность активистов, слеты ударников, систематическая индивидуальная проверка выполнения активом норм выработки, производственных заданий и государственных обязательств и т. д.).

Такая, по деловому поставленная и, вместе с тем, на высоком политическом уровне, — работа с колхозным активом, несомненно

Бригада Темиргоевского колхозного актива вместе с коленной автодорогой прибыла в хут. Левандовский в помощь хлебозаготовкам.

венности, которые встречаются еще у значительного числа даже хорошо, по-хозяйски работающих колхозников и, конечно, как это особенно чувствовалось во всех порах темиргоевской жизни,— ловко и ретиво использовывал недобитый классовый враг.

„Мы добились того, что в сознании громадного большинства крестьянства колхозы стали наиболее приемлемой формой хозяйства. Это — громадное завоевание, товарищи. Теперь вопрос стоит уже не о том — быть или не быть колхозам—этот вопрос уже решен положительно, колхозы закреплены и путь к старому единоличному хозяйству закрыт окончательно. Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими. В этом теперь главное“. (Сталин).

Весна решает. Не быть больше станице Темиргоевской саботажной станицей! За это нужно зверски драться сейчас, сегодня, не упуская ни минуты.

Вперед, на завоевание высот передового оглода социалистического земледелия в стране,— таким, и только таким должен быть путь большевистской борьбы колхозных масс Темиргоевки, всей Кубани, всего Северного Кавказа.

Ответственный редактор П. Кулешов. Технический редактор М. Максимов. Сдано в набор 14 января 1933 г. Подписано в печать 15 февраля 1933 г. Издание № 246. Объем 4,5 п. л. Уполномочий В-1029. Статфор 45 148x210 мм. Заказ № 160. Тираж 50.000. Гостипография им. Коминтерна и переплетная фабрика "Красный переплетчик" СКИТ. Ростов н.-Д.

Содержание

Стр.	1—2
Эпиграф	
I. Станица перед занесением на черную доску	
Хозяйственно-политическое лицо Темирговки	3
„Темпы“ уборки хлебозаготовок и весеннего сева	6
Кулацкий лозунг, „кто не ворует—тот не ест“	8
Враги пытались создать трещину в смычке	11
Механика кулацкого с ботажа	14
II. Решение Крайкома партии в действии.	
Жители станицы на практике узнают, что такое „черная доска“	19
„Орудию везут“. Организация печатной газеты	20
Все на ломку кукурузы	21
„Завоюем право остаться на кубанском черноземе	26
Массовая политическая работа. Сочетание принуждения с убеждением	29
Роль комсодов в борьбе с саботажем	33
Первые шаги по оздоровлению парторганизации	36
Сдвиги борьбы за хлеб в колхозах. Во весь голос заговорил актив	37
Сбор семян, сев, очистка полей	42
Хлебные ямы. Тактика организованной кулачеством утайки	45
Ультиматум закоренелым саботажникам .	50
На хлебном фронте работать по-боевому.	
Ультиматум—не пустая угроза	52
Итоги чистки партии, комсомола, советского и колхозного аппаратов	55
За добровольную сдачу похищенного зерна	59
III. Кулацкий саботаж спомлен.	
Выполнение плана хлебозаготовок. Прорывка на севе подсолнуха под зиму	61
Станица снята с черной доски	63
Весна решает	67
Работу с колхозным активом—на политическую высоту	69